

У КАЖДОЙ ИСТОРИИ ЕСТЬ ТЕМНАЯ СТОРОНА

НЕПРОЩЕННЫЙ

ЛОРЕН КЕЙТ

Падшие

Лорен Кейт
Непрощенный

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Кейт Л.

Непрощенный / Л. Кейт — «Издательство АСТ»,
2015 — (Падшие)

ISBN 978-5-17-117682-2

Кэм не понаслышке знает, каково это, когда на тебя охотятся. Он провел больше времени в Аду, чем любой другой ангел. И его новым адом становится старшая школа, где Лилит – девушка, которую он так и не смог разлюбить, – отбывает наказание за свои преступления. Кэм заключил сделку с Люцифером: у него есть пятнадцать дней на то, чтобы снова завоевать девушку, которая значит для него все. Если он преуспеет, Лилит снова обретет свободу и они смогут прожить свою жизнь вместе. Но если у него ничего не выйдет, его будет ждать особое место в Аду. Обратный отсчет начался... Читайте завораживающую историю темного ангела Кэма в заключительной части серии "Падшие".

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-117682-2

© Кейт Л., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог. Никогда не разлучай нас	6
Глава 1. Пустошь	10
Глава 2. Мертвые души	17
Глава 3. Атмосфера	23
Глава 4. Держись	32
Интерлюдия. Искры	40
Глава 5. Меченая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лорен Кейт Непрощенный

Lauren Kate
Unforgiven

© 2015 by Tinderbox Books Group, Inc., and Lauren Kate
© Е. Сибуль, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Для мечтателей

*Змеи в моем разуме
Пытаются простить твои преступления
Со временем все меняются
Надеюсь, в этот раз он изменится*

Шэрон Ван Эттен «Змеи»

Пролог. Никогда не разлучай нас

Ботинки Кэма коснулись карниза старой церкви под холодным звездным небом. Он сложил крылья и посмотрел на пейзаж. Испанский мох, белый в лунном свете, сосульками свисал со старых деревьев. Здания из шлакоблока окаймляли заросшее сорняками поле и пару разбитых трибун. Ветер веял с моря.

Зимние каникулы в исправительной школе «Меч и Крест». На территории кампуса ни души. Что он здесь делал?

Прошло несколько минут после полуночи, и Кэм только что прилетел из Трои. Он проделал этот путь в тумане, его крылья направляла неизвестная сила. Кэм понял, что напевает мотив, который не позволял себе вспоминать несколько тысяч лет. Возможно, он вернулся сюда, потому что здесь падшие ангелы встретили Люс в ее последней проклятой жизни. Три сотни и двадцать четыре инкарнации и три сотни и двадцать четыре раза падшие ангелы собирались вместе, чтобы увидеть, как разыграется проклятье.

Проклятье, которое теперь было разрушено. Люс и Дэниел были свободны.

И черт побери, если Кэм им не завидовал.

Его взгляд пробежался по кладбищу. Он никогда бы не подумал, что будет испытывать ностальгию по этой свалке, но было что-то волнующее в тех ранних днях в «Мече и Кресте». Искра Люсинды была ярче, заставляла ангелов гадать, что будет, хотя раньше они знали, чего ожидать.

Шесть тысячелетий каждый раз, когда ей исполнялось семнадцать, они устраивали вариацию одного и того же спектакля: демоны – Кэм, Роланд и Молли – все испробовали, чтобы Люс присягнула на верность Люциферу, в то время как ангелы – Арриана и Гэбби, и иногда Аннабель – работали над тем, чтобы вернуть Люс Небесам. Ни одна из сторон и близко не подошла к тому, чтобы победить.

Потому что каждый раз, когда Люс встречала Дэниела – а она всегда встречала Дэниела, – ничего не имело значения. Снова и снова они влюблялись друг в друга, снова и снова Люс погибала в огне.

Потом однажды ночью в «Мече и Кресте» все изменилось. Дэниел поцеловал Люсинду, и та выжила. Тогда все они поняли это: Люс наконец позволят выбрать самой.

Несколько недель спустя пара прилетела на место падения ангелов, в Трою, где Люсинда выбрала свою судьбу. Она и Дэниел отказались занять сторону Небес или Ада. Вместо этого они оба выбрали друг друга. Отказались от своего бессмертия, чтобы провести вместе одну смертную жизнь.

Теперь Люс и Дэниела не было, но они все еще оставались в мыслях Кэма. Их триумф любви заставил его желать того, что он не смел облечь в слова.

Он снова напевал. Ту песню. Даже по прошествии всего этого времени он помнил ее...

Кэм закрыл глаза и увидел певицу: рыжие волосы заплетены в свободную косу, длинные пальцы гладят струны лиры, она прислонилась к дереву.

Он не позволял себе думать о ней тысячу лет. Почему теперь?

– Этот нельзя открыть, – произнес знакомый голос. – Кинешь мне другой?

Кэм резко развернулся. Никого здесь не было.

Он заметил быстрое движение через разбитое витражное стекло на крыше. Придвинулся ближе и посмотрел сквозь него вниз, на часовню, которую София Блисс использовала в качестве своего кабинета, когда была библиотекарем «Меча и Креста».

Внутри часовни двигались переливающиеся крылья Аррианы: она потрясла баллончиком с краской-распылителем и поднялась с земли, целясь в стену.

На ее рисунке была изображена девушка в черном многоярусном платье, стоящая посреди светящегося синего леса. Она смотрела на светловолосого парня, протягивающего ей белый пион. «Люс и Дэниел навсегда» – написала Арриана готическими серебряными буквами на куполе платья девушки.

Позади Аррианы темнокожий демон с дредами зажег длинную стеклянную свечу, изображавшую Санта Муэрте, богиню смерти. Роланд устраивал гробницу на месте, где София убила подругу Люс Пенн.

Падшие ангелы не могли заходить в святилища Бога. Как только они пересекали порог, здание загоралось, сжигая всех смертных внутри. Но эта часовня утратила святость, когда сюда переехала мисс София.

Кэм раскрыл крылья и влетел через разбитое окно, приземляясь рядом с Аррианой.

– Кэм! – Роланд обнял друга.

– Спокойнее, – сказал Кэм, но не отстранился.

Роланд наклонил голову.

– Прямо совпадение, что ты здесь.

– Неужели?

– Нет, если тебе нравятся *carnitas*, – сказала Арриана, кидая Кэму маленький сверток, завернутый в фольгу. – Помнишь грузовик с тако на Ловингтоне? Я желала их с тех пор, как мы улетели из этого болота.

Она развернула собственный фольговый сверток и съела тако за два укуса.

– Превосходно.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Кэма Роланд.

Кэм облокотился о холодную мраморную колонну и пожал плечами.

– Я оставил свою Les Paul в общежитии.

– Прodelать такой путь ради гитары. – Роланд покачал головой. – Думаю, нам всем нужно найти способ заполнить наши бесконечные дни – теперь, когда Люс и Дэниела нет.

Кэм всегда ненавидел силу, которая тянула падших ангелов к проклятым возлюбленным каждые семнадцать лет. Он оставлял поля битвы и коронации. Оставлял объятия исключительных девушек. Однажды даже ушел с фильма.

Он бросал все ради Люс и Дэниела. Но теперь, когда эта непреодолимая тяга исчезла, он скучал по ней.

Его вечность была открытой дверью. Что он с ней будет делать?

– То, что произошло в Трое, дало тебе, не знаю... – Голос Роланда затих.

– Надежду? – Арриана схватила несъеденный тако Кэма и проглотила его в один присест. – Если после всех этих тысяч лет Люс и Дэниел смогли бросить вызов Трону и получить счастливый конец, почему другие не могут? Почему *мы* не можем?

Кэм посмотрел сквозь разбитое окно.

– Может, я не тот тип человека.

– Мы все несем в себе частички наших путешествий, – сказал Роланд. – Мы учимся на наших ошибках. Кто скажет, что мы не заслуживаем счастья?

– Послушай нас. – Арриана коснулась шрама на своей шее. – Что мы, три изнуренных хищника, знаем о любви? – Она перевела взгляд с Кэма на Роланда. – Верно?

– Любовь не эксклюзивная собственность Люс и Дэниела, – сказал Роланд. – Мы все ее испробовали. Возможно, снова сможем это сделать.

Оптимизм Роланда в Кэме отозвался в Кэме нотами протеста.

– Не я, – ответил он.

Арриана вздохнула, выгибая спину, чтобы расправить крылья и подняться на несколько футов с земли. Хлопки крыльев наполнили пустую церковь. Умелыми мазками белого спрея-краски она добавила легкий намек на крылья над плечами Люсинды.

Перед Падением крылья ангелов были сделаны из небесного света – все они были идеальны, одну пару не отличить от другой. В эпоху после Падения их крылья стали выражением их личностей, ошибок и импульсов. Падшие ангелы, присягнувшие Люциферу, обладали золотыми крыльями. У тех, что вернулись под сень Небес, появились серебряные прожилки.

Крылья Люсинды были особенными. Они состояли из чистого поразительно белого цвета. Неиспорченные. Неповинные в выборе, сделанном другими. Еще одним ангелом, сохранившим свои белые крылья, был Дэниел.

Арриана скомкала вторую обертку от тако.

– Иногда я гадаю...

– О чем? – спросил Роланд.

– Если бы вы, ребята, могли вернуться и не совершить такие эпичные ошибки в области любви – вы бы сделали это?

– Какой смысл гадать? – спросил Кэм. – Розалин мертва. – Он увидел, как Роланд вздрогнул при упоминании его потерянной возлюбленной. – Тесс никогда не простит тебя, – добавил он, глядя на Арриану. – А Лилит...

Вот. Он произнес ее имя.

Лилит была единственной девушкой, которую Кэм когда-либо любил. Он попросил ее выйти за него замуж.

Это плохо кончилось.

Он снова услышал ее песню – бьющуюся в его груди, слепящую его сожалением.

– Ты напеваешь? – Арриана сузила глаза, глядя на Кэма. – С каких пор ты напеваешь что-то?

– Так что насчет Лилит? – спросил Роланд.

Лилит тоже была мертва. Хотя Кэм никогда не узнал, как она прожила свои дни на земле после их расставания, он знал, что она покинула этот мир и ушла на Небеса уже очень давно. Обладая Кэм другим характером, он бы мог испытать умиротворение, представляя ее окутанной радостью и светом. Но Небеса были так болезненно далеки, что он считал: лучше вообще о ней не думать.

Роланд словно читал его мысли.

– Ты мог это сделать по-своему.

– Я все делаю по-своему, – сказал Кэм. Его крылья тихо трепетали позади него.

– Это одна из твоих лучших черт, – заметил Роланд, поднимая взгляд к звездам, видимым сквозь разрушенный потолок, а потом снова глядя на Кэма.

– Что? – спросил Кэм.

– Позволь мне, – сказала Арриана. – Кэм, именно сейчас все ожидают, что ты совершишь один из своих драматичных побегов в тот сгусток облаков.

Она указала на нить тумана, свисающую с Пояса Ориона.

– Кэм, – Роланд уставился на Кэма, обеспокоенный, – твои крылья.

У самого краешка левого крыла Кэма возникла одна крошечная белая нить.

Арриана ахнула.

– Что это значит?

Это было одно белое пятнышко посреди золотого поля, но оно заставило Кэма вспомнить мгновение, когда его крылья сменили белый цвет на золотой. Он давно уже принял свою судьбу, но теперь, впервые за тысячелетия, он представил нечто другое.

Благодаря Люс и Дэниелу Кэм мог начать сначала. И сожалел лишь об одном.

– Мне нужно идти.

Он полностью раскрыл крылья, и яркий золотой свет наполнил часовню, а Роланд и Арриана отпрыгнули с пути. Свеча опрокинулась и разбилась, и ее пламя угасло на холодном каменном полу.

Кэм рванулся в небо, пронзая ночь, и направился к тьме, которая ждала его с того момента, как он улетел от любви Лилит.

Глава 1. Пустошь

Лилит

Лилит проснулась, кашляя.

Это был сезон пожаров – всегда был сезон пожаров, – и ее легкие забились дымом и пеплом от красного пламени в холмах.

Часы рядом с ее постелью показывали полночь, но рассвет окрашивал тонкие белые занавески серым. Должно быть, электричество снова вырубилось. Она подумала о тесте по биологии, ожидающем ее на четвертом уроке, а за этой мыслью сразу последовала другая, паршивая: прошлым вечером она по ошибке забрала учебник американской истории домой. Чьей была эта жестокая шутка – дать задание по двум учебникам с совершенно одинаковым корешком? Ей придется попробовать сдать тест и молиться о тройке.

Она вылезла из кровати – и наступила на что-то теплое и мягкое. Подняла ступню, и ее атаковал запах.

– Аластор!

Маленькая светлая собачонка пробежала в ее спальню, думаю, что Лилит хочет поиграть. Ее мама звала собаку гением из-за трюков, которым его научил Брюс, брат Лилит. Но теперь Аластору было четыре года, и он отказывался выучить один-единственный действительно важный трюк: ходить в лоток.

– Это очень нецивилизованно, – обругала Лилит собаку и попрыгала на одной ноге в ванную. Включила душ.

Ничего.

«Воды не будет до 3 часов» – сообщила мамина записка на зеркале в ванной. Корни дерева на улице проходили через их трубы. У ее мамы должны были появиться деньги, чтобы заплатить сантехнику сегодня днем... после того как она получит зарплату на одной из ее многочисленных работ с частичной занятостью.

Лилит поискала туалетную бумагу, надеясь наконец оттереть ногу. Нашла лишь коричневую картонную втулку. Просто еще один вторник. Детали варьировались, но каждый день в жизни Лилит был в большей или меньшей степени ужасным.

Она сорвала записку мамы с зеркала и вытерлась ею, потом надела черные джинсы и тонкую черную футболку, не глядя на свое отражение. Попыталась вспомнить хоть что-то из биологии, что, по словам учителя, будет на контрольной.

К тому времени, как она спустилась, Брюс высыпал остатки хлопьев в рот. Лилит знала, что эти залежалые хлопья были последними крохами еды в доме.

– У нас кончилось молоко, – сказал Брюс.

– А хлопья? – спросила Лилит.

– И хлопья. И все.

Брюсу было одиннадцать, и он был почти таким же высоким, как и Лилит, но хрупче. Брат всегда был болезненным. Он родился слишком рано, с сердцем, которое не успевало за его душой, как любила говорить мама Лилит. Глаза Брюса запали, а у его кожи был синеватый оттенок, потому что его легкие никогда не получали достаточно воздуха. Когда холмы горели, что происходило каждый день, он начинал тяжело дышать при самом слабом физическом напряжении. И оставался дома в кровати чаще, чем ходил в школу.

Лилит знала, что Брюсу завтрак был нужнее, чем ей, но ее собственный желудок заурчал в протест. Еда, вода, основные продукты гигиены – всего было мало в обветшалой куче мусора, которую они звали домом.

Она бросила взгляд через грязное кухонное окно и увидела, как ее автобус уезжает с остановки. Лилит со стоном схватила гитару в чехле и рюкзак, убедившись, что ее черный блокнот внутри.

– Увидимся позже, Брюс, – крикнула она и убежала.

Раздались гудки, завизжали шины, когда Лилит побежала через улицу не глядя – как всегда говорила не делать Брюсу. Несмотря на ее ужасное невезение, она никогда не волновалась о смерти. Смерть означала свободу от наполненного паникой хомячьего колеса ее жизни, а Лилит знала, что настолько сильно ей не повезет. Вселенная, или бог, или что-то другое хотели, чтобы она оставалась несчастной.

Она посмотрела, как ее автобус с шумом отъехал, и отправилась в путь длиной в три мили до школы, с гитарным чехлом, подпрыгивающим на ее спине. Она поспешила через дорогу, мимо торгового ряда с долларовым магазином и китайским ресторанчиком с сервисом «на ходу», который постоянно то открывался, то закрывался.

Как только Лилит оставила позади несколько кварталов своего грязного района, известного в городе как Трясина, тротуар выровнялся, и на дорогах стало меньше ям. Люди, выходящие на улицу забрать газеты, были одеты в деловые костюмы, а не потрепанные халаты, которые носили соседи Лилит. Женщина с красивой прической, выгуливающая своего датского дога каждое утро, помахала ей, приветствуя, но у Лилит не было времени на любезности. Она пригнулась, проходя через бетонный туннель для пешеходов, пролегающий под шоссе.

Подготовительная школа Трамбулл находилась на углу Хай Мидоу Роуд и Шоссе 2, которое у Лилит всегда ассоциировалось с тяжелыми визитами в отделение неотложки, когда Брюсу становилось действительно плохо. Вот они спешат вдоль тротуара в фиолетовом минивэне ее матери, ее брат еле дышит со свистом у ее плеча, а Лилит всегда смотрит в окно на зеленые знаки по краю шоссе, отмечающие мили до других городов. Хотя она и мало что видела за пределами Кроссрудс, Лилит нравилось представлять большой, необъятный мир за ним. Ей нравилось думать, что однажды она, если когда-нибудь закончит школу, сбежит в лучшее место.

Звенел последний звонок, когда Лилит вышла из туннеля на краю кампуса. Она кашляла, глаза жгло. Пожары, тлеющие в окруживших город холмах, окутали школу дымом. Здание с коричневой штукатуркой выглядело уродливо, и еще уродливее его делали ученические баннеры. Один рекламировал завтрашнюю баскетбольную игру, а другой сообщал подробности послешкольной научной ярмарки. Но на большинстве из них были увеличенные фото какого-то спортсмена по имени Ди, который пытался набрать голоса, чтобы стать королем выпускного бала.

У главного входа в Трамбулл стоял директор Таркентон. Его рост едва достигал полутора метров. На нем был полиэстеровый костюм винного цвета.

– Снова опоздали, мисс Фоскор, – сказал он, разглядывая ее с неприязнью. – Разве я не видел ваше имя во вчерашнем списке наказанных за опоздание?

– Интересно с этим задержанием после уроков, – сказала Лилит. – Кажется, я больше узнаю там, пялясь в стенку, чем на уроках.

– Отправляйтесь на первый урок, – сказал Таркентон, делая шаг к Лилит, – если вы устроите своей матери хоть одну секунду проблем сегодня в классе...

Лилит сглотнула.

– Моя мама здесь?

Ее мама выходила на замену несколько дней в месяц в Трамбулле, зарабатывая освобождение от оплаты, благодаря которой она могла позволить себе отправить Лилит в школу. Лилит никогда не знала заранее, когда увидит мать – перед собой в очереди в столовую или поправляющей макияж в женском туалете. Она никогда не говорила Лилит, когда придет в кампус Трамбулла, и никогда не предлагала подвезти дочь до школы.

Это всегда было ужасным сюрпризом, но по крайней мере Лилит никогда не встречалась с матерью, подменяющей ее собственных учителей.

До сегодняшнего дня, как оказалось. Лилит простонала и направилась в школу, гадая, на каком уроке появится ее мама.

Ей повезло в классной комнате, где миссис Ричардс уже закончила переключку и лихорадочно строчила на доске, как ученики могут помочь ей с ее безнадежной кампанией по внедрению переработки мусора на территории школы. Когда Лилит вошла в класс, учительница без слов покачала головой, слово постоянные опоздания Лилит ее просто утомили.

Лилит села на свое место, бросила рядом чехол с гитарой и вытащила учебник по биологии, который только что достала из шкафчика. В классной комнате осталось провести десять драгоценных минут, и каждая из них была нужна Лилит, чтобы подготовиться к тесту.

– Миссис Ричардс, – сказала соседка Лилит, злобно глядя на нее. – Здесь вдруг чем-то завоняло.

Лилит закатила глаза. Они с Хлоей Кинг были врагами с первого дня начальной школы, хотя она и не помнила почему. Не то чтобы Лилит представляла какую-то угрозу для великолепной старосты-богатежки. Хлоя работала моделью у Crossroads Apparel и солировала в поп-группе «Придуманные обиды», не говоря уж о президентстве почти в половине внеклассных клубов Трамбулла.

После более чем десятилетия неприязни Хлои Лилит привыкла к постоянным нападкам. В хорошие дни она их игнорировала. Сегодня она сосредоточилась на геномах и фонемах в своем учебнике по биологии и пыталась не слышать Хлою.

Но теперь и другие ученики вокруг Лилит стали зажимать нос. Сидящий перед ней изобразил, что его тошнит.

Хлоя развернулась на своем стуле.

– Это твой дешевый парфюм, Лилит, или ты просто только что наложила в штаны?

Лилит вспомнила беспорядок, устроенный Алас-тором у ее кровати, душ, который она не смогла принять, – и почувствовала, как ее щеки горят. Она схватила свои вещи, выбежала из классной комнаты, игнорируя крики миссис Ричардс о разрешении на выход из класса, и спряталась в ближайшем туалете.

Внутри, одна, она облокотилась о красную дверь и закрыла глаза. Ей бы хотелось прятаться здесь весь день, но Лилит знала, что, как только прозвенит звонок, это место наполнится учениками.

Она заставила себя подойти к раковине. Включила горячую воду, скинула ботинок, подняла воняющую ногу к раковине и налила на нее дешевое розовое мыло. Она взглянула вверх, ожидая увидеть свое печальное отражение, но вместо этого наткнулась на блестящий постер, приклеенный над зеркалом. «Голосуйте за Королеву» – было написано под профессиональной фотографией сияющей Хлои Кинг.

Выпускной бал должен был состояться чуть позже в этом месяце, и казалось, что ожидание поглотило всех учеников школы. Лилит видела сотни подобных постеров в коридорах. Она шла позади девушек, которые показывали друг другу фото корсажей своей мечты по пути на занятие. Она слышала, как парни шутят о том, что происходит после выпускного бала. Из-за всего этого Лилит тошнило. Даже будь у нее деньги на платье и даже если бы существовал парень, с которым она действительно хотела бы пойти, ноги ее не будут на школьной территории, когда этого не требует закон.

Она сорвала постер Хлои с зеркала и им вытерла внутреннюю часть ботинка, а затем кинула в раковину, позволяя волнам воды затоплять его, пока лицо Хлои не размокло.

* * *

На уроке поэзии мистер Дэвидсон был так поглощен написанием двадцатого сонета Шекспира на доске, что даже не заметил опоздание Лилит.

Она осторожно села, наблюдая за другими учениками в ожидании, что кто-то зажмет нос или изобразит тошноту. К счастью, они, казалось, замечали Лилит только как способ передавать записочки. Пейдж, спортивная блондинка, сидящая слева от Лилит, толкала ее, а потом передавала сложенную записку ей на парту. На ней не было имени, но, само собой, Лилит знала, что это не для нее. Записка предназначалась Кими Грейс, эффектной полукореянке-полумексиканке, сидящей справа от нее. Лилит передала достаточно много записок между ними двумя, чтобы заметить обрывки их планов на выпускной – эпическая вечеринка после танцев и длинный лимузин, на который они собирали карманные деньги. У Лилит никогда не было карманных денег. Если у мамы появлялись лишние наличные, все они шли на медицинские счета Брюса.

– Правда, Лилит? – спросил мистер Дэвидсон, заставив Лилит вздрогнуть. Она спрятала записку под парту, чтобы ее не поймали.

– Вы не могли бы еще раз повторить? – спросила Лилит. Она действительно не хотела злить мистера Дэвидсона. Поэзия была единственным уроком, который ей нравился, по большей части потому что он ей удавался, и мистер Дэвидсон был единственным учителем из встреченных ею, который, казалось, наслаждался своей работой.

Ему даже понравился текст песни, написанный Лилит в качестве работы по стихосложению. У нее все еще хранился листок, на котором мистер Дэвидсон просто написал «Ух ты!» под словами песни, которую она назвала «Изгой».

– Я сказал, что надеюсь, вы записались на живое выступление перед микрофоном? – спросил Дэвидсон.

– Да, конечно, – промямлила она, хотя этого не сделала и надеялась не делать. Она даже не знала, когда это будет проходить.

Дэвидсон улыбнулся, довольный и удивленный. Он повернулся к остальному классу.

– Тогда нам есть чего ждать!

Как только Дэвидсон снова повернулся к доске, Кими Грейс толкнула Лилит. Когда Лилит встретила взглядом с темными красивыми глазами Кими, она на мгновение подумала, что Кими хочет поговорить с ней о выступлении перед микрофоном. Спросить, не нервничает ли та из-за мысли, что придется выступать перед аудиторией. Но Ким лишь хотела, чтобы Лилит передала сложенную записку.

Лилит вздохнула и передала ее дальше.

Она постаралась прогулять урок физкультуры, чтобы подготовиться к контрольной по биологии, но, конечно же, ее поймали и ей пришлось бегать в спортивной форме и походных ботинках. Школа не выдавала кеды, а у ее мамы никогда не было налички, чтобы купить их, поэтому грохот ботинок, когда она наматывала круги вокруг других детей, играющих в волейбол в спортзале, был оглушительным.

Все смотрели на нее. Никому не нужно было вслух произносить слово «фрик». Она знала, что все об этом думают.

К тому времени, как Лилит добралась до биологии, она была подавлена и измотана. И там она увидела свою маму – в лимонно-зеленой юбке, с волосами, завязанными в тугий узел, раздающую тесты.

– Просто идеально, – простонала Лилит.

– Ш-ш-ш-ш! – отозвалась дюжина учеников.

Ее мать была высокой и темноволосой, нескладно-красивой. Лилит была светлее, с волосами рыжими, как пламя в холмах. Ее нос был короче, чем материнский, глаза и рот – не такой идеальной формы и скулы были несимметричными.

Мать улыбнулась:

– Не угодно ли вам занять свое место?

Словно она не знала имени своей дочери.

Но ее дочь знала ее имя.

– Конечно, Дженет, – сказала Лилит, падая за пустую парту в ряду поближе к двери.

Грозный взгляд матери метнулся к лицу Лилит, потом она улыбнулась и отвернулась.

«Убей их нежно» было любимой поговоркой мамы, по крайней мере на публике. Дома она была более суровой. Во всем, что ее мать ненавидела в своей жизни, она винила Лилит, потому что Лилит родилась, когда ее маме была девятнадцать и та была красавицей с перспективным будущим. Когда родился Брюс, мама уже достаточно оправилась от травмы, нанесенной Лилит, чтобы стать настоящей матерью. Тот факт, что отца в этой картине не было – никто не знал, где он, – давало ее маме лишь больше причин жить ради сына.

Первая страница контрольной по биологии была таблицей, где нужно было указать доминантные и рецессивные гены. Девушка слева от нее быстро заполняла ячейки. Внезапно Лилит не смогла вспомнить ничего из того, что выучила за весь год. Ее горло чесалось, и она чувствовала, что шея начинает потеть.

Дверь в коридор была открыта. Снаружи должно было оказаться прохладнее. Прежде чем она осознала, что делает, Лилит стояла в дверном проеме, держа рюкзак в одной руке, а чехол с гитарой в другой.

– Если покинешь класс без разрешения, получишь автоматическое задержание после урока! – крикнула Дженет. – Лилит, поставь гитару на место и возвращайся сюда!

Опыт Лилит с руководством научил ее внимательно выслушать то, что ей говорят, и сделать совершенно противоположное.

Она выбежала в коридор и толкнула дверь.

* * *

Снаружи воздух был белым и горячим. Пепел падал с неба завитками, ложась на волосы Лилит и ломкую серо-зеленую траву. Самый незаметный путь с территории школы лежал через один из выходов за столовой, ведущий на небольшую территорию, присыпанную гравием. Ученики обедали там, когда погода была хорошей. Территорию огораживал хрупкий забор-сетка, через который было легко перелезть.

Она подошла к забору, а потом заставила себя остановиться. Что она творила? Сбежать с теста, из-под надзора ее собственной матери было плохой идеей. Наказание неизбежно последует. Но было уже слишком поздно.

Если она продолжит идти этим путем, то окажется у своего ржавеющего, рассыпающегося несчастного дома. Нет, спасибо. Лилит взглянула на несколько машин, едущих по шоссе, а затем повернулась и пересекла парковку с западной стороны кампуса, где густо росли высокие рожковые деревья. Она зашла в маленький лесок и направилась к тенистому уголку, спрятанному у ручья Гремучей Змеи.

Нагнувшись, она прошла под двумя тяжелыми ветками на берегу и выдохнула. Убежище. Типа того. В любом случае именно это считалось природой в крошечном городке Кроссрудс.

Лилит положила гитару в чехле на ее обычное место в углублении древесного ствола, сложила ноги на грудку хрустящих оранжевых листьев и позволила шуму ручейка, текущего по бетонному руслу, успокоить ее.

В школьных учебниках она видела картинки красивых мест – водопад Ниагара, гора Эверест, водопады на Гавайях, – но ручей Гремучей Змеи ей нравился намного больше. И она не была знакома с кем-либо, кроме себя, кто посчитал бы рощу высохших деревьев красивой.

Она открыла чехол и вытащила гитару. Это была темно-оранжевая «Мартин 000–45» с трещиной вдоль корпуса. Кто-то на ее улице выкинул гитару, а Лилит не могла позволить себе быть привередливой. К тому же ей казалось, что недостаток делал звук инструмента насыщеннее.

Ее пальцы перебирали струны, и, когда аккорды наполнили воздух, она ощутила, словно невидимая рука сглаживает неровности. Когда Лилит играла, она чувствовала себя окруженной друзьями, которых у нее не было.

Каково будет встретить кого-то, разделяющего ее вкусы в музыке, гадала она. Того, кто не считал бы, что «Четыре всадника» поют как побитые псы, как однажды одна чирлидерша описала любимую группу Лилит. Мечтой Лилит было услышать их вживую, но было невозможно представить, что она действительно попадет когда-нибудь на концерт «Четырех всадников». Те были слишком известной группой, чтобы выступать в Кроссрудс. Даже если бы они приехали сюда – как могла Лилит позволить себе купить билет, когда у ее семьи едва были деньги на еду?

Она не заметила, как начала петь. Песня еще не закончилась – просто ее печаль сливалась с гитарной, – но несколько минут спустя, когда она перестала петь, кто-то позади нее заплодировал.

– Эй! – Лилит резко развернулась и увидела темноволосого парня, прислонившегося к ближайшему дереву. На нем был кожаный жакет и черные джинсы, заправленные в берцы.

– Привет, – сказал он, словно знал ее.

Лилит не ответила. Они *не* были знакомы. Почему он с ней говорил?

Он пристально смотрел на нее пронизывающим взглядом.

– Ты все еще прекрасна, – тихо сказал он.

– А ты... жутковатый, – ответила она.

– Ты не узнаешь меня? – Он казался разочарованным.

Лилит пожала плечами.

– Я не смотрю «Их разыскивают в Америке».

Парень глянул вниз, посмеялся и потом кивнул на ее гитару.

– Не боишься, что все станет хуже?

Она вздрогнула в смутении.

– Моя песня?

– Твоя песня – божественное откровение, – сказал он, отталкиваясь от дерева и направляясь к ней. – Я имел в виду трещину в твоей гитаре.

Лилит смотрела, как легко он движется – невозмутимо, неторопливо, словно никто никогда в жизни не заставлял его почувствовать себя неуверенно. Он остановился прямо перед ней и снял холщовую сумку с плеча. Лямка упала на ботинок Лилит, и девушка уставилась на нее, словно парень положил ее так специально.

Лилит откинула лямку в сторону.

– Я осторожная. – Она прижала гитару к себе. – Прямо сейчас это допустимая степень треснутости. Если трещина станет больше гитары, тогда будет хуже.

– Звучит так, словно ты уже все просчитала. – Парень смотрел на нее достаточно долго, чтобы Лилит почувствовала себя некомфортно. Его глаза были чарующего зеленого цвета. Он явно был не отсюда. Лилит не знала, встречала ли она когда-нибудь кого-то не из Кроссрудс.

Он был прекрасен, он интриговал – и поэтому слишком хорош, чтобы быть настоящим. Лилит сразу же возненавидела его.

– Это мое место. Найди свое собственное, – сказала она.

Но вместо того, чтобы уйти, он присел. Рядом с ней. Близко. Словно они были друзьями. Или больше чем друзьями.

– Ты когда-нибудь играла с кем-то другим? – спросил парень.

Он наклонил голову, и Лилит заметила татуировку звезды с лучами на его шее. Она поняла, что задержала дыхание.

– Что, музыку? Типа в группе? – Она покачала головой. – Нет. Не то чтобы это тебя касалось.

Этот парень посягал на ее территорию и тратил то небольшое время, которое Лилит могла посвятить себе. Она хотела, чтобы он ушел.

– Как тебе «Дело дьявола»? – спросил он.

– Что?

– Название для группы.

Инстинкт подсказывал Лилит встать и уйти, но никто раньше не говорил с ней о музыке.

– Что это за группа? – спросила она.

Он поднял лист рожкового дерева с земли и рассматривал его, вертя стебель между пальцами.

– Ты скажи мне. Это твоя группа.

– У меня нет группы, – сказала она.

Он поднял черную бровь.

– Возможно, пришло время, чтобы появилась?

Лилит никогда не осмеливалась мечтать, каково это – играть в настоящей группе. Она передвинулась, чтобы между ними осталось больше места.

– Меня зовут Кэм.

– Я Лилит.

Она не очень понимала, почему, назвав этому парню свое имя, почувствовала себя такой значительной, но это было так.

Она бы хотела, чтобы его тут не было, чтобы он не слышал ее музыку. Она ни с кем не делилась своей музыкой.

– Мне нравится это имя, – сказал Кэм. – Оно тебе подходит.

Теперь точно пришло время уходить. Лилит не знала, чего хотел этот парень, но явно ничего хорошего. Она подняла гитару и встала на ноги.

Кэм двинулся остановить ее.

– Куда ты?

– Почему ты со мной разговариваешь? – спросила она. Что-то в нем заставляло ее кровь бурлить. Он посягал на ее личное пространство? Кем он себя возомнил? – Ты меня не знаешь. Оставь меня в покое.

Прямота Лилит обычно заставляла людей чувствовать себя неудобно. Но не этого парня. Он посмеялся себе под нос.

– Я говорю с тобой, потому что ты и твоя песня – самое интересное, на что я наткнулся за все эти века.

– Твоя жизнь должна быть очень скучной, – заметила Лилит.

Она пошла прочь. Ей пришлось не позволить себе обернуться. Кэм не спросил, куда она, и не казался удивленным тем, что она уходит посреди их разговора.

– Эй, – позвал он.

– Эй что? – Лили не обернулась.

Кэм был из тех парней, что ранили девушек, достаточно глупых, чтобы позволить им это сделать. А в ее жизни боли было достаточно.

– Я тоже играю на гитаре, – сказал он, пока она намеревалась пробираться через лес обратно. – Нам нужен лишь барабанщик.

Глава 2. Мертвые души

Кэм

Кэм наблюдал, как Лилит исчезает в лесах ручья Гремучей Змеи, подавляя непреодолимое желание побегать за ней. Она была великолепна, какой была и в Ханаане, – все та же яркая, экспрессивная душа, светящаяся через ее внешнюю красоту. Он был поражен и почувствовал сильное облегчение, потому что, когда ему передали шокирующие новости о том, что душа Лилит не на Небесах, как он ожидал, но в Аду с Люцифером, Кэм ожидал худшего.

Именно Аннабель наконец рассказала ему. Он пошел к ней, думая, что она могла бы поведать ему кое-какие подробности о бытии Лилит на Небесах. Розововолосая ангел покачала головой и выглядела такой печальной, когда показала вниз, далеко вниз, и сказала ему.

– Ты не знал?

Кэм сторал от вопросов о том, как Лилит – чистая, добрая Лилит – оказалась в Аду, но важнее всего было следующее. Была ли она все еще той девушкой, которую он любил, или Люцифер сломал ее?

Пять минут рядом с ней вернули его прямо в Ханаан, к безумной любви, которая когда-то у них была. Нахождение рядом с ней наполнило его надеждой. Кроме...

В Лилит было нечто другое. Она носила бритвенно-острую горечь подобно доспехам.

– Наслаждаешься? – Голос раздался откуда-то сверху.

Люцифер.

– Спасибо за мимолетный взгляд, – ответил Кэм. – Теперь убирайся отсюда.

Дружелюбный смех сотряс деревья.

– Ты пришел сюда, умоляя меня позволить тебе увидеть состояние ее души, – сказал Люцифер. – Я позволил тебе навестить ее – но лишь потому, что ты один из моих любимчиков. Теперь почему бы нам не поговорить о деле?

Прежде чем Кэм успел ответить, под ним исчезла земля. Его желудок упал вниз – ощущение, которое мог вызвать только дьявол, – и Кэм, летя вниз, размышлял о пределах ангельской силы. Он редко сомневался в своих инстинктах, но этот инстинкт – любить Лилит и быть любимым ею снова, каким бы мощным он ни был, – либо потребует милосердия дьявола, либо заставит Кэма бороться с Люцифером. Он раскрыл крылья и посмотрел вниз, пока голубое пятно не увеличилось в размере и не стало четче под его ногами. Он приземлился на линолеумный пол.

Леса и ручья Гремучей Змеи не было, а Кэм оказался посреди ресторанного дворика в пустом торговом центре. Он сложил крылья и уселся на стул за оранжевым ламинированным столиком.

Огромный атриум ресторанного дворика был наполнен сотней уродливых столиков, подобных этому. Было невозможно понять, где он начинался и где заканчивался. Длинное окошко протянулось по потолку, но было таким пыльным, что Кэм не видел ничего за покрывшей стекло серой грязью. Пол был усеян мусором – пустыми тарелками, жирными салфетками, помятыми стаканчиками навынос и пожеванными пластиковыми соломинками. В воздухе повис затхлый запах.

Вокруг него располагались типичные ресторанчики – китайская еда, пицца, крылышки, – но все они были закрыты: бургерная спряталась за ставнями, лампочки в сэндвичной перегородке горели, а стеклянная витрина магазина с йогуртом была разбита. Горели огни лишь одного ресторанчика. На его черном навесе жирными золотыми буквами было написано одно слово – *Aevum*.

Парень с волнистыми каштановыми волосами стоял за стойкой. На нем была белая футболка, джинсы и плоская шапочка повара. Он готовил что-то, но Кэм не видел, что именно.

Маскировка дьявола после Падения могла быть какой угодно, но Кэм всегда узнал бы Люцифера по обжигающему жару, исходящему от него. Хотя их разделяло двадцать шагов, казалось, что Кэм стоит рядом с горячим грилем.

– Где мы? – спросил Кэм.

Люцифер бросил на него взгляд и одарил Кэма странной притягательной улыбкой. У него было красивое лицо харизматичного молодого человека двадцати двух лет, с покрытым веснушками носом.

– Это Аэвум, который иногда называют Лим-бо, – сказал дьявол, поднимая большую лопатку. – Это существование между временем и вечностью, и я подаю особенное блюдо для клиентов, пришедших в первый раз.

– Я не голоден, – сказал Кэм.

Дикие глаза Люцифера сверкнули, когда он перевернул лопаткой нечто шипящее на коричневый ресторанный поднос. Потом он пошел за бежевую кассу и поднял пластиковый разделитель, отделяющий маленькую кухню от ресторанного дворика.

Он отвел плечи назад и расправил крылья, огромные, жесткие и зелено-золотые, словно древние ювелирные украшения, потускневшие от времени. Кэм задержал дыхание, испытывая отвращение к затхлому запаху и крошечной черной проклятой живности, снующей и живущей в их складках.

Высоко держа поднос, Люцифер подошел к Кэму. Он прищурился, глядя на крылья Кэма, где белая трещина все еще сияла посреди золота.

– Белый цвет тебе не идет. Хочешь что-то мне рассказать?

– Почему она в Аду, Люцифер?

Лилит была одним из самых добродетельных людей, известных Кэму. Он не мог понять, как она вообще могла стать одной из подданных Люцифера.

– Ты же знаешь, я не могу разглашать тайну, – улыбнулся Люцифер и поставил пластиковый поднос прямо перед Кэмом. На нем был небольшой снежный шар на золотой подставке.

– Что это? – спросил Кэм. Темный пепел наполнял снежный шар. Он магическим образом падал беспрерывно, почти засыпая собой крошечную лиру, плавающую внутри.

– Сам посмотри, – сказал Люцифер. – Переверни его.

Кэм перевернул шар вверх тормашками и нашел маленький золотой выступ внизу. Повернул его и позволил музыке лиры нахлынуть на него. Это была все та же мелодия, которую он напевал с тех пор, как улетел из Трои: песня Лилит. Так он о ней думал.

Он закрыл глаза и снова оказался на берегу в Ханаане, три тысячелетия назад, слушая ее игру.

Это дешевая версия мелодии из музыкальной шкатулки растрожила душу сильнее, чем Кэм мог представить. Его пальцы сжались на шаре. Потом...

Чпок.

Снежный шар разлетелся на куски. Музыка затихла, а кровь потекла по ладони Кэма.

Люцифер кинул ему вонючую серую тряпку для посуды и велел убрать беспорядок.

– К счастью для тебя, у меня их так много. – Он кивнул на стол позади Кэма. – Давай, попробуй еще один. Каждый немного отличается!

Кэм опустил на стол осколки первого снежного шара, вытер руки и посмотрел, как порезы на ладонях заживают. Потом он повернулся и снова посмотрел на ресторанный дворик: в центре каждого из ранее пустых оранжевых столов находился снежный шар на коричневом пластиковом подносе. Количество столов в ресторанном дворике возросло – теперь их здесь было целое море, протянувшееся в расплывчатую даль.

Кэм потянулся к шару на столе позади него.

– Осторожно, – сказал Люцифер.

Внутри шара была крошечная скрипка. Кэм повернул ручку, и послышалась другая версия все той же сладко-горькой песни.

В третьем шаре была миниатюрная виолончель.

Люцифер сел и закинул ноги на стол, пока Кэм передвигался по ресторанному дворику, заводя все снежные шары, слушая музыку. Здесь были ситары, арфы, альты. Слайд-гитара, балалайки, мандолины – и все играли одну оду разбитому сердцу Лилит.

– Эти шары... – медленно сказал Кэм. – Они представляют все разновидности Ада, в которых ты ее заточил.

– И всякий раз, когда она умирает в одном из них, – сказал Люцифер, – она оказывается здесь, где ей снова напоминают о твоём предательстве.

Он встал и принялся ходить взад и вперед между столами, с гордостью рассматривая свои творения.

– А потом, чтобы было интереснее, я изгоняю ее в новый Ад, созданный специально для нее. – Люцифер широко улыбнулся, обнажая ряды острых как бритва зубов. – Я, правда, не могу сказать, что хуже – бесконечные Ады, в которые я ее отправляю снова и снова, или необходимость возвращаться и вспоминать, как сильно она тебя ненавидит. Но именно это помогает ей идти дальше – ее гнев и ее ненависть.

– Ко мне, – слотнул Кэм.

– Я работаю с материалом, который мне дали. Не моя вина, что ты ее предал. – Люцифер так засмеялся, что барабанные перепонки Кэма завибрировали. – Хочешь узнать мой любимый сюжетный поворот в нынешнем Аду Лилит? Выходных нет! Школа каждый день года. Можешь себе представить? – Люцифер поднял снежный шар в воздух, а потом дал ему упасть на пол и разбиться. – Что касается ее, она типичный мрачный подросток, переживающий типичные мрачные годы старшей школы.

– Почему Лилит? – спросил Кэм. – Ты для всех создаешь Ад таким образом?

Люцифер улыбнулся.

– Неинтересные сами творят свой неинтересный ад – огонь, сера и весь этот бред. Им не нужна моя помощь. Но Лилит – она особенная. Не то чтобы мне нужно было тебе говорить об этом.

– Что насчет людей, страдающих вместе с ней? Дети в школе, ее семья...

– Пешки, – сказал Люцифер. – Принесенные сюда из Чистилища, чтобы играть свою роль в чужой истории, – это ад другого типа.

– Не понимаю, – сказал Кэм. – Ты сделал ее существование совершенно невыносимым...

– Ох, я не могу присвоить все лавры, – сказал Люцифер. – Ты помог!

Кэм проигнорировал чувство вины, иначе оно задушило бы его.

– Но ты позволил ей иметь то, что она очень любит. Почему ты позволяешь ей играть музыку?

– Существование никогда не бывает таким безрадостным, как когда ты испытал что-то прекрасное, – сказал Люцифер. – Это служит напоминанием обо всем, чего у тебя никогда не будет.

Всем том, чего у тебя никогда не будет.

Люс и Дэниел что-то высвободили в Кэме, нечто, что он считал потерянным навсегда: способность любить. Осознание, что такое возможно для него, что у него может быть второй шанс, заставило его желать встречи с Лилит.

Теперь, когда увидел, теперь, когда знал, что она здесь...

Ему нужно было что-то сделать.

– Мне нужно снова ее увидеть, – сказал Кэм. – Слишком мало...

– Я оказал тебе достаточно услуг, – огрызнулся Люцифер. – Я показал, какова для нее вечность. Я не был обязан даже это делать.

Кэм посмотрел на бесконечные снежные шары.

– Не могу поверить, что ты прятал все это от меня.

– Я не прятал ее, тебе было все равно, – сказал Люцифер. – Ты всегда был так занят. Люс и Дэниел, популярные ребята в «Мече и Кресте», все такое. Но теперь... Ну, хочешь увидеть другие Ады Лилит? Будет весело.

Не ожидая ответа, Люцифер положил ладонь на затылок Кэма и толкнул его в один из снежных шаров. Кэм зажмурился, готовясь, что его лицо ударится о стекло...

Вместо этого

Он стоял рядом с Люцифером у широкой дельты реки. С неба изливался дождь. Люди бежали прочь от ряда домиков, прижимая к себе вещи, паника была написана на их лицах, когда река выходила из берегов.

На другой стороне реки девушка с печальным спокойным лицом медленно шла, неся ситар, – яркий контраст с хаосом вокруг нее. Хотя она совсем не была похожа на Лилит, которую Кэм любил в Ханаане, или на девушку, которую он встретил только что в Кроссрудс, Кэм сразу же узнал ее.

Она шла к бушующей реке.

– Ах, Лилит, – вздохнул Люцифер. – Она действительно знает, когда нужно паковать вещи.

Она села в грязи на берегу и заиграла. Ее руки летали над инструментом с длинной шеей, издающим печальную звучную мелодию.

– Блюз для утонувших, – сказал Люцифер с намеком на восхищение.

– Нет, это блюз за миг до того, как утонуть, – ответил Кэм. – Большая разница.

Потом река вышла из берегов и скрыла Лилит и ее ситар, скрыла дома, головы спасающихся людей, скрыла Кэма и Люцифера.

Несколько секунд спустя Кэм и Люцифер стояли на утесе горы. Ключья тумана закручивались, словно пальцы, вокруг сосен.

– Это один из моих любимых, – сказал Люцифер.

Печальная мелодия банджо прозвучала позади них. Они повернулись и увидели семерых худых как щепки детей, сидящих на пороге поникшей деревянной хижины. Они были босые, со вздутыми животами. Девушка с рыжеватыми волосами держала банджо на коленях, и ее пальцы перебирали струны.

– Я не собираюсь стоять здесь и смотреть, как Лилит играет, умирая от голода, – сказал Кэм.

– Все не так плохо – все равно что заснуть, – сказал Люцифер.

Самый маленький из мальчиков теперь, казалось, делал именно это. Одна из его сестер положила голову ему на плечо и последовала за ним. Потом Лилит перестала играть и закрыла глаза.

– Достаточно, – сказал Кэм.

Он подумал о Лилит, которую только что встретил у ручья Гремучей Змеи. Все эти прошлые страдания, отпечаток всех этих смертей был где-то глубоко в ней, но она об этом не помнила. Прямо как Люс.

Нет, понял он. Лилит была совсем не похожа на Люс. Они были так же далеки друг от друга, как восток и запад. Люс была архангелом, проживающим проклятую смертную жизнь. Лилит была смертной, проклятой бессмертными силами, несомой по вселенной вечными ветрами, которые она не могла ощутить.

Но она все равно ощущала эти ветра. Они были в том, как она пела с закрытыми глазами, как играла на своей треснувшей гитаре.

Она была обречена. Только если...

– Отправь меня назад, – сказал Кэм дьяволу. Они снова были в Адском ресторанном дворике, и снежные шары стояли на столах – куда бы ни посмотрел Кэм, каждый из них наполнял боль Лилит.

– Тебе так понравился Кроссрудс? – спросил Люцифер. – Я тронут.

Кэм заглянул глубоко в глаза дьявола и содрогнулся от неистовства, найденного в них. Все это время Лилит была под чарами Люцифера. *Почему?*

– Что нужно, чтобы ты отпустил ее? – спросил Кэм Люцифера. – Я сделаю все что угодно.

– *Все что угодно?* Мне нравится, как это звучит. – Люцифер засунул руки в карманы, наклонил голову и уставился на Кэма, размышляя. – Нынешний ад Лилит закончится через пятнадцать дней. Я бы не против посмотреть, как ты сделаешь ее еще более несчастной за эти две недели. – Он выдержал паузу. – Мы можем сделать это интересным.

– У тебя плохая привычка делать все интересным, – сказал Кэм.

– Пари, – предложил Люцифер. – Если за пятнадцать оставшихся дней ты сможешь очистить темное сердце Лилит от ненависти к тебе и заставить ее полюбить тебя снова – по-настоящему полюбить, – я прикрою лавочку, по крайней мере касательно нее. Больше не будет заказных Адов для Лилит.

Кэм сузил глаза.

– Слишком легко. В чем подвох?

– Легко? – повторил Люцифер, смеясь. – Ты не заметил здоровенной затаенной обиды? Это все ты. Она ненавидит тебя, приятель, – он подмигнул, – и даже не знает почему.

– Она ненавидит тот ничтожный мир, – сказал Кэм. – Любой бы ненавидел. Это не значит, что она ненавидит меня. Она даже не помнит меня.

Люцифер покачал головой.

– Ненависть к ее ничтожному миру – только оболочка более старой черной ненависти к тебе. – Он ткнул Кэма в грудь. – Когда душа ранена настолько глубоко, как душа Лилит, эта боль постоянна. Пусть даже она больше не узнает твое лицо, она узнает твою душу. Сердцевину того, кем ты являешься.

Люцифер сплюнул на пол.

– И ты ей отвратителен.

Кэм вздрогнул. Это не могло быть правдой. Но потом он вспомнил, как холодна она была с ним.

– Я излечу ее.

– Конечно, – сказал Люцифер, кивая. – Попробуй.

– А после того, как я вновь ее завоюю? – спросил Кэм. – Что потом?

Люцифер покровительственно улыбнулся.

– Вы будете вольны прожить остаток ее смертных дней вместе. Долго и счастливо. Ты это хотел услышать? – Он щелкнул пальцами, словно только что кое-что вспомнил. – Ты спрашивал о подвохе.

Кэм ждал. Его крылья горели от необходимости лететь к Лилит.

– Я слишком много и слишком сильно тебе потакал, – сказал Люцифер, внезапно становясь холодным и серьезным. – *Когда потерпишь крах*, ты должен вернуться туда, где тебе место. Сюда, ко мне. Больше никаких прогулок по галактикам. Больше никакой белизны в твоих крыльях. – Люцифер сощурил кроваво-красные глаза. – Ты присоединишься ко мне за Стеной Тьмы, с правой стороны от меня. Навсегда.

Кэм спокойно посмотрел на дьявола. Благодаря Люс и Дэниелу у Кэма была возможность переписать свою судьбу. Как он мог снова так легко сдаться?

Потом он подумал о Лилит. Об отчаянии, в котором она жила тысячи лет.

Нет. Он не мог думать о том, что будет значить проигрыш. Он сосредоточится на том, чтобы заслужить ее любовь и облегчить боль. Если оставалась надежда спасти Лилит, попытаться стоило.

– Договорились, – сказал Кэм и протянул руку.

Люцифер оттолкнул ее прочь.

– Оставь это дерьмо для Дэниела. Мне не нужно рукопожатие, чтобы заставить тебя сдерживать свое слово. Вот увидишь.

– Ладно, – сказал Кэм. – Как мне вернуться к ней?

– Иди в дверь налево от кафешки с хот-догами на палочках. – Люцифер показал на ряд стоек, теперь находившихся вдали. – Как только ступишь в Кроссрудс, отсчет начнется.

Кэм уже двигался по направлению к двери, к Лилит. Но когда он выходил из ресторанного дворика Ада, голос Люцифера словно бы последовал за ним.

– Всего пятнадцать дней, старина. Тик-так!

Глава 3. Атмосфера

Лилит

Пятнадцать дней

Лилит не могла сегодня снова опоздать в школу.

Прогул вчерашнего теста по биологии уже принес ей задержание после последнего урока – мать молча передала ей записку о наказании, когда Лилит добралась домой. Поэтому нынешним утром она специально озаботилась тем, чтобы добраться до класса еще до того, как миссис Ричардс закончит лить сливки в свою биоразлагаемую кружку с кофе.

Лилит уже прочитала две страницы домашнего задания по поэзии, когда прозвенел звонок, и поэтому была так довольна своим маленьким достижением, что даже не дернулась, когда знакомая тень упала на ее парту.

– Принесла тебе подарок, – сказала Хлоя.

Лилит подняла взгляд. Староста полезла в свою полосатую, как зебра, сумку и вытащила что-то белое, а потом кинула его на стол Лилит. Это были одни из тех взрослых подгузников, предназначенных для весьма пожилых людей, страдающих недержанием.

– На случай, если снова наложишь в штаны, – сказал Хлоя, – Попробуй.

Щеки Лилит покраснели, и она скинула подгузник с парты, притворяясь, будто ей все равно, что теперь он лежит на полу и другим ученикам придется переступить его по пути к своим партам. Она подняла взгляд, чтобы проверить, увидела ли это миссис Ричардс, но, к ее ужасу, Хлоя вела личный разговор с улыбающейся учительницей.

– Я могу отдать мои бутылочки от шампуня и кондиционеров на переработку, – говорила Хлоя. – Я и не знала! Теперь можно, пожалуйста, получить пропуск? Мне нужно встретиться с директором Таркентоном.

Лилит наблюдала с завистью, как миссис Ричардс быстро выписала пропуск Хлое, взявшей его и выбежавшей из комнаты. Лилит вздохнула. Учителя выдавали пропуска Хлое также легко, как ей – наказания.

Потом прозвенел звонок и динамик ожил.

– Доброе утро, Быки, – сказал Таркентон. – Как вы знаете, сегодня мы наконец откроем долгожданную тему выпускного бала этого года.

Ребята вокруг Лилит заулюлюкали и захопали. Она снова ощутила себя одинокой среди них. Лилит не то чтобы считала себя более умной или обладательницей лучшего вкуса, чем у этих подростков, которые так интересовались школьными танцами. Нечто глубже и важнее отделяло ее от всех, кого она встречала. Она не знала, что это, но из-за него большую часть времени ощущала себя инопланетянином.

– Вы голосовали, мы подсчитали, – продолжил голос директора, – и тема бала в этом году... Битва музыкальных групп!

Лилит поморщилась, глядя на динамик. *Битва музыкальных групп?*

Она не заполняла бланк для бала в этом году, но ей было трудно поверить, что ее одноклассники выбрали тему, ей почти интересную. Потом она вспомнила, что Хлоя Кинг состояла в музыкальной группе. Эта девица каким-то образом промыла мозги ученикам, чтобы те думали: то, что она делает, – круто. Прошлой весной она сделала так, что игра в бинго стала постоянной игрой вечером в четверг в кругу друзей. Лилит, конечно, никогда не ходила на «Бинго-детки», как они назывались, – но ладно ведь, кому в возрасте от восьми до восьмидесяти действительно нравится игра в бинго?

Тема выпускного могла быть и хуже. Но все же Лилит была уверена, что Таркентон и его помощники из старшей школы найдут способ сделать так, чтобы она стала отстойной.

– А теперь сообщение от вашего заведующего выпускным, Хлои Кинг, – сказал Таркентон.

Шуршащий звук послышался из динамика, когда директор передал микрофон.

– Привет, Быки, – сказала Хлоя одновременно оживленным и чувственным голосом. – Купите билеты на выпускной и приготовьтесь танцевать всю ночь под удивительную музыку ваших удивительных друзей. Правильно – выпускной будет частью «Коачеллы», частью реалити-шоу, с едкими судьями и всем таким. Все спонсируется «Кинг Медиа» – спасибо, папочка! Так что не забудьте дату – всего через пятнадцать дней! Я уже записала свою группу для битвы, так чего вы ждете?

Динамик отключился. Лилит никогда не ходила ни на один из концертов Хлои, но ей нравилось думать, что у девушки был музыкальный талант лобстера.

Лилит снова подумала о парне, которого встретила вчера у ручья Гремучей Змеи. Вдруг, просто так, он предложил создать группу. Она пыталась выбросить встречу из головы, но, пока Хлоя рассказывала о том, как записаться на выпускной, Лилит с удивлением обнаружила, что сожалеет о полном отсутствии своей группы.

Потом открылись двери класса – и вошел парень из ручья Гремучей Змеи. Он пробежал по ряду к ней и занял место Хлои Кинг.

Жар пробежал по телу Лилит, когда она посмотрела на его куртку мотоциклиста и винтажную футболку Kinks, обтягивающую его грудь. Она гадала, где в Кроссроудс продавалась подобная одежда. Ей таких магазинов не попадалось. Она никогда не встречала кого-либо, одевающегося как он.

Парень убрал темные волосы с глаз и посмотрел на нее.

Лилит нравилось, как Кэм выглядит, но ей не нравилось, как он смотрит на нее. В его глазах была искра, от которой ей становилось неуютно. Словно он знал все ее секреты. Скорее всего, он так смотрел на всех девушек, и некоторым это, скорее всего, нравилось. Лилит нет – совсем нет, – но она заставила себя выдержать его взгляд. Она не хотела, чтобы он считал, будто заставляет ее нервничать.

– Могу я вам помочь? – спросила миссис Ричардс.

– Я здесь новенький, – сказал Кэм, все еще глядя на Лилит. – Что делать?

Когда он показал свою карточку ученика Трам-булла, Лилит так поразилась, что закашлялась. Она в ужасе пыталась восстановить контроль.

– Кэмерон Бриэль, – прочитала миссис Ричардс на его карточке, потом внимательно оглядела Кэма с ног до головы. – Сейчас нужно спокойно сидеть там.

Она показала на самую дальнюю парту от Лилит, которая все еще кашляла.

– Лилит, – сказала миссис Ричардс, – ты знаешь о статистике учащения случаев астмы из-за повышенных выбросов углерода за последнее десятилетие? Когда закончишь кашлять, я хочу, чтобы ты достала лист бумаги и написала письмо своей конгрессвумен, требуя реформ.

Серьезно? Она попала в неприятности из-за кашля?

Кэм пару раз легонько похлопал Лилит по спине, как делала ее мама для Брюса, когда у того случался один из приступов. Потом он нагнулся, подобрал подгузник, приподнял бровь, глядя на Лилит, и засунул его в сумку Хлои.

– Возможно, ей позже понадобится, – сказал он и улыбнулся Лилит, уходя в другой конец класса.

Трамбулл не был большой школой – но достаточно большой, чтобы Лилит удивилась, что Кэм также посещал ее занятия поэзией. Она была еще больше удивлена, когда мистер Дэвидсон посадил его на пустое место рядом с ней, поскольку Кими Грейс заболела.

– Привет, – сказал Кэм, присаживаясь рядом.

Лилит притворилась, что не услышала его.

Через десять минут занятия, пока мистер Дэвидсон читал любовный сонет итальянского поэта Петрарки, Кэм наклонился вперед и кинул записку на ее парту.

Лилит посмотрела на записку, затем на Кэма, потом бросила взгляд вправо, уверенная, что она предназначалась кому-то другому. Но Пейдж не тянулась ее забрать, а Кэм улыбался, кивая на записку, на которой аккуратным черным шрифтом было написано «Лилит».

Она открыла записку и почувствовала странное волнение, подобное которому испытывала, когда погружалась в действительно хорошую книгу или слышала красивую песню в первый раз.

За десять минут урока преподаватель смотрел на свою доску впечатляющие восемь минут и сорок восемь секунд. По моим подсчетам, мы с тобой точно могли бы сбежать в следующий раз, когда он отвернется, и наше отсутствие не заметят, пока мы не доберемся до ручья Гремучей Змеи. Моргни дважды, если ты согласна.

Лилит даже не знала, с чего начать. Моргни дважды? Скорее упади замертво три раза, хотела она ему сказать. Когда Лилит подняла взгляд, на его лице было странное спокойное выражение, словно они были друзьями, которые постоянно такое вытворяли. Словно они вообще были друзьями.

Странность была в том, что Лилит постоянно уходила с уроков – вчера она сделала это дважды, на классном занятии и биологии. Но она никогда не делала это веселья ради. Побег был ее единственным шансом, механизмом выживания. Кэм, казалось, думал, что знает, кто она и как проживает свою жизнь, – и это ее раздражало. Она не хотела, чтобы он вообще думал о ней.

«Нет», – написала она, прямо над словами в записке Кэма. Смяла ее и кинула в него, когда мистер Дэвидсон отвернулся в следующий раз.

Остаток дня был долгим и жутким, но по крайней мере Лилит могла отдохнуть от Кэма. Она не видела его за обедом, или в коридорах, или на любом другом уроке. Лилит решила, что, если у нее два урока с ним, лучше бы разобраться с этим сразу же с утра – и избавиться от дурацкого ощущения, которое приходило вместе с ним. Почему он вел себя с ней так обыденно? Он словно считал, что ей нравится его присутствие. Что-то в нем наполняло ее яростью.

Когда прозвенел последний звонок и Лилит больше всего хотела улизнуть в рожковые заросли, чтобы поиграть одной на гитаре у ручья Гремучей Змеи, ей пришлось пойти на занятия после уроков.

Комната для задержания после уроков была скудно обставлена – лишь несколько парт и на стене постер с котенком, цепляющимся за ветку дерева. Словно в трехтысячный раз, Лилит прочитала слова, напечатанные ниже пятнистого хвоста:

Ты живешь только один раз.

Но если сделаешь все правильно, одного раза достаточно.

Чтобы пережить задержание после уроков, нужно было погрузиться в транс. Лилит уставилась на постер с котенком, пока тот не стал напоминать что-то внезапное. Котенок, висая там и терзая когтями ветку, выглядел испуганным. И это должно было символизировать «правильную жизнь»? Даже обстановка этой школы не имела смысла.

– Проверка комнат! – объявил тренер Барроуз, ворвавшись в дверь. Он появлялся с проверкой каждые пятнадцать минут, как часы. Второй баскетбольный тренер зачесывал серебряные волосы в высокую прическу, словно стареющий подражатель Элвису. Ученики называли его Хренер Барроуз в честь его неприличных шорт.

Хотя Лилит одна сегодня была оставлена после уроков, Барроуз ходил так, словно комнату заполняли невидимые преступники. Когда он подошел к Лилит, то хлопнул по столу пачкой скрепленных листов.

– Ваш тест по биологии, ваше высочество. Он отличается от того, что вы пропустили вчера.

Такой же или другой – значения не имело, Лилит и этот завалит. Она гадала, почему ее не позвали в кабинет психолога, почему никто словно бы не интересовался тем, что ее ужасные оценки угрожали перспективам колледжа.

Когда дверь открылась и вошел Кэм, Лилит хлопнула себя по лбу.

– Ты издеваешься, – пробормотала она себе под нос, когда тот передал Барроузу записку о задержании.

Барроуз кивнул Кэму, отправляя его за парту на другой стороне комнаты, и сказал:

– У тебя есть задание, чтобы чем-то заняться?

– Не знаю даже, с чего начать, – сказал Кэм.

Барроуз закатил глаза:

– Детишки в наши дни думают, что им так сложно. Вы бы не узнали настоящую работу, укуси она вас. Я вернусь через пятнадцать минут. В это время динамик включен, поэтому в кабинете будет слышно все, что происходит в этой комнате. Понятно?

Со своей парты Кэм подмигнул Лилит. Та повернулась к стене. Они не были настолько друзьями, чтобы подмигивать друг другу.

Как только дверь за Барроузом закрылась, Кэм подошел к столу учителя, выключил динамик, а потом уселся на стуле перед Лилит. Сел, положил ноги на парту, толкая ее пальцы ботинками.

Лилит оттолкнула его ноги.

– Мне нужно сделать тест, – сказала она. – Не мешай.

– А у меня есть идея лучше. Где твоя гитара?

– Как ты умудрился получить задержание в первый же день в школе? Стремись к новому рекорду? – спросила она, чтобы не сказать вслух то, о чем в действительности думала, а именно: «Ты первый новичок на моей памяти. Откуда ты? Где ты покупаешь вещи? Каков остальной мир?»

– Не волнуйся из-за этого, – сказал Кэм. – А теперь насчет твоей гитары. У нас немного времени.

– Странно такое говорить девушке, вечность сидящей после уроков.

– Это твое понятие вечности? – Кэм огляделся, и его зеленые глаза остановились на постере с котенком.

– Это не было бы моим первым вариантом, – наконец сказал он. – Кроме того, ты не замечаешь вечность, когда тебе весело. Время существует лишь в спорте и печали.

Кэм смотрел на нее, пока мурашки не побежали по ее коже. Лилит почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, и не могла сказать, смущена она или рассержена. Она понимала, что делает Кэм, пытаясь смягчить ее разговорами о музыке. Он думал, с ней так легко играть?

Лилит ощутила еще одну необъяснимую волну ярости. Она *ненавидела* этого парня.

Он вытащил черный предмет размером с тарелку для хлопьев из сумки и поставил на столе Лилит.

– Что это? – спросила она.

Кэм покачал головой.

– Я притворюсь, что ты об этом не спрашивала. Это миниатюрный гитарный усилитель. Она кивнула, вроде «ну конечно».

– Я никогда не видела его, так что, эм-м...

– Справедливо, – отозвался Кэм. – Нам нужна лишь гитара, чтобы подключить его.

– Барроуз вернется через пятнадцать минут, – сказала Лилит, глядя на часы. – Двенадцать. Не знаю, как работает задержание после уроков там, откуда ты, но здесь нельзя играть на гитаре.

Кэм был новичком, однако вошел сюда, словно владел этим местом. Лилит сидела здесь всю жизнь, она знала, как что работает и какой дерьмовой была эта школа, так что Кэму лучше было просто отступить.

– Двенадцать минут, да? – Он закинул мини-усилитель обратно в сумку: встал и протянул руку. – Нам лучше поспешить.

– Я не пойду с тобой... – запротестовала Лилит, позволяя ему вытащить себя за дверь. Они оказались в коридоре, где было тихо, поэтому она умолкла. И секунду смотрела на его руку в своей руке, прежде чем отдернуть ее.

– Видишь, как все легко? – спросил Кэм.

– Не прикасайся ко мне больше.

Эти слова словно ударили Кэма в живот. Он нахмурился: а потом сказал.

– Следуй за мной.

Лилит знала, что ей нужно вернуться в класс, но ей нравилась мысль о небольших проказах – даже если ей не нравился ее партнер по преступлению.

Ворча, она последовала за Кэмом, держась возле стены, словно могла слиться со студенческими постерами, поддерживающими ужасную баскетбольную команду Трамбулла. Кэм вытащил маркер «Шарпи» из сумки и в конце послания «Вперед, быки!» дописал «Быки-МУ-даки».

Лилит была удивлена.

– Что? – Он поднял бровь. – Однажды забыковал – на всю жизнь быком и останешься.

На втором этаже они подошли к двери, на которой было написано «Музыкальный класс». Для того, кто пробыл здесь всего один день, Кэм, казалось, неплохо ориентировался. Он потянулся к ручке двери.

– Что, если там кто-то есть? – спросила Лилит.

– Группы собираются на первом уроке. Я проверял.

Кто-то там *был*. Жан Ра был наполовину французом, наполовину корейцем – и, как и Лилит, социальным изгоем. Им бы стоило стать друзьями: как и она, он без ума от музыки, угрюмый и странный. Но они друзьями не были. Лилит хотела, чтобы Жан Ра навсегда исчез, и по его глазам она видела, что он желал и ей того же самого.

Жан поднял глаза от барабанной установки, где настраивал ударные. Он мог сыграть на любом инструменте здесь.

– Убирайтесь, – сказал он. – Или я напишу мистеру Мобли.

Кэм широко улыбнулся. Лилит увидела, что Кэму нравится этот хмурый парень в очках, как у Бадди Холли, из-за чего она возненавидела их обоих еще больше.

– Вы знаете друг друга? – спросил Кэм.

– Предпочитаю не знать, – сказала Лилит.

– Я нераспознаваем, – сказал Жан, – идиотами вроде тебя.

– Несешь дерьмо – значит, дерьмо выбьют из тебя, – сказала Лилит, радуясь, что у ее гнева есть цель. Ее тело напряглось, и в следующее мгновение она кинулась на Жана...

– Стой, стой, стой, – произнес Кэм, ловя ее за талию.

Она извивалась в сильных руках, удерживающих ее, не зная, кого из парней ударить первым. Кэм ее взбудоражил, прервав спокойный час наказания после уроков, привел сюда... и это подмигивание. Она снова разозлилась, подумав о том, как он ей подмигнул.

– Отпусти меня! – бушевала она.

– Лилит, – тихо сказал Кэм. – Все хорошо.

– Заткнись, – сказала она, вырываясь, – мне не нужна твоя помощь, или твоя жалость, или что там ты пытаешься сделать.

Кэм покачал головой.

– Я не...

– Ты – да, – ответила Лилит. – И тебе лучше остановиться.

Ее ладонь чесалась от желания дать Кэму пощечину. Даже его выражение, волнующая смесь смятения и обиды, не улучшила ее чувств. Она не стукнула его только потому, что Жан наблюдал за ними.

– Ух-х-х... – Жан поднял брови и взглянул сначала на Лилит, а потом на Кэма. – Вы двое меня типа достали. Я звоню Мобли.

– Давай, – рявкнула Лилит. – Сделай это.

Но тот был так поражен, что остался на месте.

Первым побуждением Лилит было покинуть музыкальный класс немедленно, однако, как ни странно, она поняла, что хочет остаться. Она не знала, почему никогда раньше сюда не приходила. Было приятно находиться в окружении музыкальных инструментов. И пусть они не были какими-то крутыми – трубы были помяты, кожа барабанов так истончилась, что стала почти прозрачной, металлические треугольники были покрыты ржавчиной, – ничто в школе не было и наполовину таким интригующим.

На лице Кэма промелькнула усмешка.

– У меня зарождается мысль.

– Скорее всего, твоя первая, – сказал Жан.

– Прости нас, если мы не впечатлены, – ответила Лилит, удивившись, что встала на сторону Жана.

– Вам, ребята, достаточно общего врага, – заметил Кэм.

Лилит фыркнула.

– Ты легко вызываешь ненависть людей. Сколько прошло, десять минут?

– Не я, – сказал Кэм. – Я имею в виду школу. Город.

Он сделал паузу.

– Мир.

Лилит не могла решить, был ли Кэм мудрым или просто говорил избитыми фразами.

– Что ты имеешь в виду?

– Почему бы вам не объединить силы и не направить вашу ярость в одно русло? – сказал Кэм. Он передал Лилит гитару с подставки и положил руку на плечо Жана. – Мы с Лилит организуем группу.

– Нет, – сказала Лилит. Да что такое с этим парнем?

– Да, организуем, – Кэм сказал Жану так, словно это было уже решено. – Выпускной через пятнадцать дней, и нам нужен барабанщик, если мы хотим выиграть Битву музыкальных групп.

– Как ваша группа называется? – скептически спросил Жан.

Кэм подмигнул Лилит. Опять.

– «Дело дьявола».

Лилит застонала.

– Я ни за что не буду состоять в группе под названием «Дело дьявола». Любая моя группа будет названа «Мечь».

Она не собиралась ничего такого говорить. Это была правда, она хранила название группы в тайне целую вечность, с тех пор как решила, что лучший способ отомстить всем придуркам школы – стать знаменитой и организовать настоящую музыкальную группу с настоящими музыкантами. Ее больше не увидит никто из Кроссрудс, кроме как на концертах с

распроданными билетами, которые им придется смотреть онлайн, потому что ее группа никогда-никогда не будет играть в ее родном городе.

Но она не планировала произносить название вслух.

Глаза Кэма расширились.

– Группе с таким названием понадобится крутой синтезатор. И диско-шар.

Жан сузил глаза.

– Я бы не против просинтезировать это дерьмо из школы, – сказал он через мгновение. – Я в деле.

– Я нет, – заметила Лилит.

Кэм улыбнулся Лилит.

– Она в деле.

Улыбнись в ответ, Лилит. Другие девушки ответили бы таким же выражением лица, но Лилит не была любой другой девушкой. Тугой клубок ярости засел у нее в животе, пульсируя от самовлюбленности и самоуверенности Кэма. Она поморщилась и вышла из музыкальной комнаты, не сказав больше ни слова.

* * *

– Я умираю от голода, – сказал Кэм, последовав за ней из школы.

Они вернулись в класс вовремя, чтобы снова включить динамик, прежде чем Барроуз в последний раз проверил комнату. Она отдала свой экзаменационный лист, почти пустой, и их обоих отпустили.

Почему Кэм не оставит ее в покое?

В его правой руке покачивался кейс с гитарой, одолженный Кэмом на время из музыкальной комнаты. Его холщовая сумка была перекинута через плечо.

– Где здесь тебе нравится есть?

Лилит пожала плечами.

– В милом небольшом заведении под названием «Не твое дело».

– Звучит экзотично, – сказал Кэм. – Где это?

Пока они шли, гладкие кончики его пальцев коснулись мозолистых пальцев Лилит. Она с инстинктивной быстротой отдернула руку, одарив его взглядом, говорившим, что если это не было случайностью, то лучше ему не пробовать снова.

– Я иду туда. – Она показала в направлении ручья Гремучей Змеи, тут же пожалев, что раскрыла свои замыслы. Она не предлагала ему присоединиться.

Но именно это Кэм и сделал.

На краю леса он отвел в сторону ветку рожкового дерева, чтобы Лилит могла под ней пройти. Лилит посмотрела, как он изучал ветку, словно никогда раньше не видел подобных растений.

– Там, откуда ты, нет рожковых деревьев? – спросила она. В Кроссрудс они росли повсюду.

– Да и нет, – ответил Кэм.

Он пробормотал что-то себе под нос, пока она направлялась к своему дереву. Лилит уселась и принялась смотреть, как течет вода по камням, выступающим из ручья. Секунду спустя Кэм к ней присоединился.

– *Откуда ты?* – спросила она.

– Из этих мест? – Кэм запустил руку в изогнутые ветки, где Лилит оставила свою гитару. Иногда она приходила сюда и играла, пропуская обед. Это помогало ей не думать о том, насколько она голодна.

– Такой таинственный? – сказала она, имитируя его тон и забирая у него гитару.

– Все не так круто, как звучит, – сказал Кэм. – Прошлой ночью я спал на пороге мастерской по ремонту телевизоров.

– О’Мэлли на Хилл-стрит? – спросила Лилит, настраивая струну повыше. – Это странно. Я один раз спала там, когда меня оставили под домашним арестом и мне нужно было сбежать от Дженет.

Она почувствовала на себе его взгляд: Кэм хотел, чтобы она продолжала.

– Дженет – моя мама.

Но это был разговор, ведущий в тупик, поэтому она сменила тему:

– Как ты здесь оказался?

Кэм сжал челюсти, на лбу между глаз проступила вена. Ему явно хотелось обсуждать это в последнюю очередь, что показалось Лилит подозрительным. Он что-то скрывал, как и она.

– Хватит «За кадром». – Кэм открыл гитарный кейс, который взял из музыкальной комнаты, и вытащил зеленую Fender Jaguar, собственность группы поддержки Трамбулла. – Давай что-нибудь сыграем.

Лилит чихнула и ухватилась за живот. Голод ржавыми ножницами проходил по ее внутренностям.

– Голодный чих, – сказал Кэм. – Не следовало позволять тебе отговорить меня от идеи где-то поесть. Хорошо, что ты со мной.

– Почему?

– Потому что нам хорошо вместе. – Он откинул темные волосы с глаз. – И потому что я путешествую с деликатесами.

Из своей холщовой сумки он вытащил пакет с галетами и небольшую, но солидную баночку с иностранной надписью. Кэм взялся за крышку и постарался повернуть ее. Та не поддавалась. Он попробовал еще раз; на лбу у него снова проявилась жилка.

– Дай сюда. – Лилит забрала у него банку и подсунула ее под струны гитары, позволяя одной из них вскрыть вакуум. Ей однажды довелось проделать подобное дома, когда Брюс был голоден, а банка с соленьями осталась последним, что у них было.

Банка открылась в ее руках.

Кэм пробежался кончиком языка по зубам и легонько кивнул.

– Я ослабил крышку для тебя.

Лилит заглянула в банку. Та была набита крошечными влажными черными икринками.

– Осетр, – сказал Кэм. – Лучшая икра.

Лилит понятия не имела, что делать с икрой. И где он достал ее – особенно если спал прошлой ночью на улице.

Кэм открыл упаковку галет и одной из них нагреб горку блестящей черной массы.

– Закрой глаза и открой рот, – сказал он.

Она не хотела этого делать, но голод победил.

Галета была хрустящей, а икра – мягкой и сочной. Потом Лилит ощутила солоноватость икры и поначалу решила, что ей не нравится. Но когда Лилит дала ей полежать на языке мгновение, насыщенный вкус распространился у нее во рту, маслянистый с резкой ноткой. Она сглотнула, уже пристрастившись к нему.

Когда Лилит открыла глаза, Кэм ей улыбался.

– Это дорого? – спросила она, испытывая вину.

– Вкус лучше, если ешь медленно.

Спокойная тишина опустилась между ними, пока они ели. Лилит была благодарна за еду, но ее беспокоило, что этот парень ведет себя так, словно они ближе, чем на самом деле.

– Мне нужно домой, – сказала она. – Я под домашним арестом.

– В таком случае тебе стоит побыть на свободе как можно дольше. – Кэм наклонил голову, глядя на нее так, как парни в кино смотрят на девушек, которых собираются поцеловать. На мгновение он застыл, а потом поднял ее гитару.

– Эй! – сказала Лилит, когда аккорды наполнили воздух. Гитара была ее самой ценной собственностью. Никто не прикасался к ней, кроме самой Лилит. Но когда Кэм принялся перебирать струны и напевать, она наблюдала за ним, замороженная. Его песня была прекрасна... и знакома. Она не знала, где могла слышать ее раньше.

– Ты написал ее? – не могла не спросить Лилит.

– Может быть. – Он перестал играть. – Здесь нужен женский вокал.

– Уверена, Хлоя Кинг пригодится, – сказала Лилит.

– К слову об этом, – заметил Кэм, – как насчет темы выпускного, Битвы музыкальных групп?

Он вскинул голову.

– Это может быть круто.

– Круто – последнее, чем оно может быть, – ответила Лилит.

– Я запишусь, если ты запишешься.

Лилит расхохоталась.

– Это должно привлечь меня? Никто тебе не говорил, что ты немного тщеславный?

– Не за последние пять минут, – сказал Кэм. – Просто подумай об этом. У нас есть две недели, чтобы вместе организовать достойную группу. Мы могли бы это сделать. – Он помолчал. – Ты бы могла это сделать. И ты знаешь, что говорят о «Мести».

– Что? – спросила она, ожидая, что его следующие слова разозлят ее.

Он посмотрел вдаль, словно бы на нечто, расстраивающее его. Когда он заговорил, голос был тихим.

– Она сладка.

Глава 4. Держись

Кэм

Четырнадцать дней

На следующее утро, когда солнце показалось над холмами, Кэм оторвал себя от крыши спортивного зала Трамбулла, где он провел предыдущую ночь. Затекла шея, и ему нужен был горячий душ, чтобы расслабиться.

Он бросил взгляд вокруг, убедившись, что все чисто, а затем слетел вниз, оказавшись прямо напротив высоких окон спортзала. Нашел незакрытую раму и проскользнул внутрь.

В раздевалке парней было тихо, и Кэм на мгновение остановился, чтобы посмотреть на свое отражение в зеркале. Его лицо выглядело... старше – черты стали более угловатыми, глаза запали.

За тысячелетия он менял свою внешность много раз, чтобы смешаться с окружением, позволяя солнцу сделать его бледную кожу темнее или добавляя мышц своему от природы худощавому телу. Но всегда он управлял этими изменениями сам. Просто так они не происходили. Никогда раньше его не пугало собственное отражение.

Что происходит?

Этот вопрос не оставлял его, пока он вымылся в душе, стащил чистую белую футболку из шкафа какого-то ученика, влез в свои джинсы и куртку для мотоцикла и направился ждать автобус Лилит.

Рядом с тупиком, где останавливался автобус, Кэм облокотился о закрытую стеклом доску объявлений, рекламирующую разные внеурочные школьные занятия. Тут было собрание немецкого клуба в три часа дня. «Узнай, как позвать на свидание на немецком!» – предлагал один флаер. Другой содержал подробности про кросс-кантри. «Вернись в форму и смотришь отлично в своем выпускном платье!» – обещал он.

В центре висел блестящий плакат, рекламирующий музыкальный концерт группы Хлои Кинг «Придуманные обиды» на следующей неделе. Они играли на разогреве у местной группы «Ну такое».

«Получите возможность сказать, что видели их до того, как они победили в Битве музыкальных групп!»

Кэм пробыл в Кроссруудс один полный день – и уже ощущал одержимость школы выпускным балом. Ему однажды доводилось побывать на выпускном, десятилетия назад, с классной девчонкой из Майами, которая влюбилась в него. Несмотря на то что они сломали пожарную сигнализацию и провели большую часть ночи на крыше, глядя на падающие звезды, они еще и потанцевали под несколько быстрых песен. Кэм хорошо провел время. Конечно, ему пришлось улететь до того, как все стало серьезно.

Он гадал, что Лилит думает о выпускном, хочет ли она туда пойти. До него дошло, что ему придется пригласить ее в качестве своей пары. Это идея была волнующе старомодной. Ему придется сделать ее особенной. Ему придется все сделать правильно.

В данный момент добиться любви Лилит казалось проигрышным вариантом. Люцифер был прав, она ненавидела его. Но девушка, в которую он влюбился, все еще была где-то там, погребенная под всей этой болью. Ему просто нужно было как-то до нее дотянуться.

Кэм вздрогнул от визга тормозов и, повернувшись, увидел караван желтых автобусов, выстраивающихся в ряд. Ученики сходили по ступеням. Большинство из них шли к зданию группками по двое или трое.

Лишь Лилит шла одна. Она опустила голову, и рыжие волосы скрыли ее лицо, а из-под прядей свисали белые провода наушников. Ее плечи были ссутулены, из-за чего она выглядела

меньше, чем была. Когда он не видел огня в ее глазах, Лилит казалась настолько сломленной, что Кэм едва мог это вынести. Он догнал ее, когда она проходила через двери в школьный главный коридор.

Он похлопал Лилит по плечу. Та развернулась.

– Привет, – сказал он, и у него внезапно перехватило дыхание.

Он не привык, чтобы она была так близко, после всего времени, проведенного вдали. Она отличалась от той девушки, которую он полюбил в Ханаане, но была такой же чудесной. Заключив сделку с Люцифером, он не ожидал, что так сложно будет не прикасаться к ней, как он привык. Ему приходилось сдерживать каждый порыв потянуться к ней, погладить ее по щеке, обнять, поцеловать и никогда не отпустить.

Лилит посмотрела на него и вздрогнула. Ее лицо исказилось от отвращения или чего похуже, и она вытащила наушники. В этой жизни он ничего ей не сделал, но она была запрограммирована ненавидеть его.

– Что? – спросила Лилит.

– Что ты слушаешь? – спросил он.

– Не то, что тебе понравится.

– А ты испытай меня.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Можно я теперь пойду или ты хочешь продолжать этот ужасно неловкий разговор?

Глаза Кэма заметили флаер «Придуманных обид», наклеенный на ближайший шкафчик. Он сорвал бумажку и сунул ей.

– Эта группа играет на следующей неделе, – сказал он. – Хочешь пойти вместе?

Она быстро кинула взгляд на флаер и покачала головой.

– Не совсем мой тип музыки. Но если тебе нравится поп-музыка для подростков, оторвись.

– «Обиды» всего лишь на разогреве. Я слышал, что «Ну такое» достаточно хорошие, – соврал он. – Думаю, будет весело... – Он сделал паузу. – Думаю, будет весело пойти с тобой.

Лилит сощурилась, поправляя лямку рюкзака на плече.

– Типа свидание?

– Вот теперь-то ты меня понимаешь, – сказал Кэм.

– Я совершенно точно не понимаю тебя, – ответила она, уходя прочь. – Ответ – нет.

– Ну давай, – сказал Кэм, следуя за ней. В коридорах царил хаос: учащиеся у шкафчиков готовились к новому дню, закидывали книги в сумки, наносили блеск для губ, сплетничали о выпускном. – Что, если я смогу провести нас за кулисы?

Кэм сомневался, что на том концерте будет закулисы, но он бы потянул за любые ниточки, лишь бы Лилит сказала «да».

– Кто-то сказал «закулисы»? – произнес шипящий голос. – У меня есть проходки в любое закулисы.

Лилит и Кэм остановились и повернулись. Позади них посреди коридора стоял парень с каштановыми волосами и ухмылкой на угловатом, почти красивом лице. На нем были потрепаннные джинсы, футболка с принтом-узором из незаметных серых черепов внутри бриллиантов и тонкая золотая цепь на шее. В одной руке он держал планшет.

Люцифера здесь быть не должно. Это не было частью их уговора.

– Кто ты? – спросила Лилит.

– Меня зовут Люк, – сказал Люцифер. – Я работаю в «Кинг Медиа». Мы партнеры Трамбулл Преп и пытаемся устроить лучший выпускной бал, который эта школа когда-либо видела. Я стажер, но думаю, они могут взять меня на полноценную работу...

– Я не иду на выпускной, – сухо сказала Лилит. – Ты зря тратишь свое время.

– Но ты интересуешься музыкой, не так ли? – спросил Люцифер.

– Откуда ты знаешь? – спросила Лилит.

Люк улыбнулся.

– По тебе видно. – Он забил пароль на планшете и вывел электронную заявку. – Я упрощаю запись учеников на Битву музыкальных групп.

Он бросил взгляд на Кэма.

– Ты запишешься, бро?

– А ты не опустился ли ниже своего привычного уровня? – спросил Кэм.

– Ох, Кэм, – сказал Люк, – если порой отказываться опускаться, то никогда не поднимешься к вершинам этого мира.

Лилит внимательно посмотрела на Кэма.

– Ты знаешь этого парня?

– Мы старые друзья, – сказал Люк. – Но где же мои манеры?

Он протянул руку.

– Рад встретиться с тобой, Лилит.

– Ты знаешь мое имя? – Лилит уставилась на Люка поровну с удивлением и отвращением. Кэм знал извращенную привлекательность дьявола. Из-за этого ряды Люцифера были переполнены.

– А какое еще имя тебе подходит? – спросил Люк. – Или... «Кинг Медиа проводит исследование, – он добавил с улыбкой, когда Лилит неловко пожалала ему руку.

Кэм напрягся. Так нечестно. У него всего две недели, чтобы влюбить в себя Лилит. У него нет времени на вмешательство Люцифера.

– Что ты здесь делаешь? – не в состоянии скрыть яд в голосе, Кэм спросил у Люцифера.

– Давай просто скажем, что мне не хватало проблем, – сказал Люк. – Тогда я отправился на стажировку в «Кинг Медиа»...

– Понятия не имею, что это значит, – сказал Кэм.

Ухмылка Люка стала шире.

– Любые вопросы или проблемы выпускного и Битвы музыкальных групп проходят через меня. Я хочу, чтобы ученики здесь узнали меня, видели во мне друга, а не должностное лицо. К тому времени, как здесь начнется выпускной, мы окажемся лучшими друзьями.

Динамик включился, наполнив коридор еще большим шумом.

– Доброе утро, Быки!

Люк показал пальцем на потолок.

– Вам двоим точно стоит послушать это объявление.

– В шесть часов этим вечером, – сказал Таркентон, – в столовой будет стоять свободный микрофон. Он открыт для всех, но обязателен для учеников, посещающих занятия по поэзии мистера Дэвидсона.

Лилит застонала.

– Я скорее умру, чем прочитаю публике какой-нибудь ужасный стих, – сказала она несчастным голосом. – Но я только на занятии мистера Дэвидсона хорошо отвечаю – и то едва это делаю.

– Ты слышала Таркентона, – сказал Кэм Лилит – Свободный микрофон. Тебе не нужно читать стихов – ты можешь их спеть. Мы можем сегодня вечером устроить первый концерт «Мести».

– Мы ничего не устраиваем, потому что мы не обязаны быть группой, – сказала Лилит.

К этому времени коридоры почти опустели. Еще через минуту они опоздают на занятие. Но Кэму казалось, что его приклеили к полу: он был так близко, что чувствовал запах ее кожи, и от желания у него кружилась голова.

– Черт с ней, с классной комнатой, – сказал он. – Давай выберемся прямо сейчас и пойдем репетировать.

Очень давно в Ханаане музыка соединила Лилит и Кэма. Кэму нужно было, чтобы ее волшебство сработало здесь, в Кроссрудс, во второй раз. Если бы они смогли выступить вместе, химия между ними разрушила бы стены, воздвигнутые Лилит, и он смог бы завоевать ее сердце. Он знал, что так и будет. А если ему придется пойти на школьный выпускной, чтобы снова сыграть с ней, то да будет так.

– Я бы хотел услышать, как ты поешь, Лилит, – присоединился Люк.

– Держись подальше, – сказал Кэм. – Тебе разве никуда не нужно? Искушать девятиклассников или типа того?

– Конечно, – ответил Люк. – Но не прежде, чем я добавлю Лилит в свой список.

Он снова протянул ей планшет и подождал, пока она введет свой адрес электронной почты. Потом закрыл обложку и направился к двери.

– Увидимся позже, лузер, – крикнул он Кэму. – И, Лилит, мы еще встретимся.

* * *

День прошел быстро. Слишком быстро.

Лилит игнорировала Кэма в классной комнате и на уроке поэзии, и он не видел ее остаток школьного дня. Он выбрался к ручью Гремучей Змеи на обед, надеясь, что найдет ее там играющей на гитаре, но его встретило лишь немелодичное журчание апрельской воды в ручье.

Никакой Лилит.

Он торчал около музыкального класса после звонка, надеясь, что она может вернуться сюда после занятий.

Она не вернулась.

Когда солнце опустилось по небу, Кэм в одиночестве отправился к микрофону Трамбулла. Он прошел через блеклый кампус к столовой, кашляя от наполненного дымом воздуха. Горящие холмы – слабо скрытое пламя Ада Лилит – окружали Кроссрудс, и никому, как казалось, не было до этого дела. Кэм видел, как пожарная машина ехала к огню этим утром, и отметил пустое выражение лиц пожарных. Они, скорее всего, проводили каждый день, выливая воду на тлеющие деревья и не волнуясь о том, что огонь не слабеет.

Все в этом городе были пешками Люцифера. Ничто и никто не изменится в Кроссрудс, пока дьявол того не захочет.

Кроме, как Кэм надеялся, Лилит.

Когда он добрался до столовой, Кэм придержал дверь открытой для пары, державшейся за руки. Юноша прошептал что-то девушке на ухо, и та, засмеявшись, притянула его для поцелуя. Кэм отвернулся, ощущая боль в груди. Засунул руки в карманы куртки и зашел внутрь.

Дневную серость столовой было трудно скрыть. Самодельная сцена была установлена на одном конце, и две потрепанные черные занавески висели между столбами, изображая фон. Мистер Дэвидсон стоял в центре сцены за микрофоном.

– Добро пожаловать, – сказал он, поправляя очки. Выглядел он примерно лет на тридцать со своей мочалкой темно-каштановых волос и худым телом, излучавшим нервозность. – Нет ничего увлекательнее открытия важных новых произведений искусства. Не могу дождаться, когда вы все поделитесь своей работой друг с другом сегодня вечером.

Перекивая стоны и ворчание аудитории, он добавил:

– Вам нужно выступить, или вы получите ноль. Так что без дальнейшей суеты приготовьтесь аплодировать нашему первому исполнителю Сабрине Бёрк!

Пока аудитория вяло аплодировала, Кэм сел на свободное место рядом с Жаном Ра, который потянулся к нему с дружеским «дай пять». Жан ходил на Кэма – был мрачноватым, забавным и в глубине души добрым. Кэм гадал, что Жан такого сделал, чтобы оказаться в цар-

стве Люцифера. Некоторые из самых интересных смертных – и ангелов – знали, как раздражать Трон.

На сцене руки у Сабрины тряслись, когда та потянулась к микрофону, прошептала: «Спасибо», – и раскрыла написанную от рук поэму.

– Это стихотворение называется... «Брак». Спасибо, мистер Дэвидсон, за вашу помощь. Вы самый лучший учитель в мире.

Она прочистила горло и начала:

*– Свадьба – это доисторический ритуал для двух людей
Мужчины и женщины —
ИЛИ ТАК ОНИ ГОВОРЯТ!*

Она подняла взгляд от бумажки.

***ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЗАБРАТЬ МОЮ СВОБОДУ!
СВОБОДНА? ГЛУПЦЫ!***

Я женщина, смотрите, как я воспарю!

Она опустила глаза.

– Спасибо.

Остальные ученики зааплодировали.

– Такая храбрая, – сказала девушка, сидящая рядом с Кэмом. – Это так правдиво.

Глаза Кэма пробежались по аудитории, пока он не нашел Лилит, грызущую ногти, в третьем ряду. Он знал, что она представляет, как стоит там, одна. Лилит, которую он помнил, была прирожденным исполнителем, как только она справлялась с изначальной боязнью сцены.

Но эта Лилит была другой.

Теперь аудитория хлопала высокому черному парню, уверенно поднявшемуся на сцену. Он даже не стал поправлять микрофон, расположенный слишком низко для него. Он просто открыл блокнот и взялся декламировать.

– Это типа хокку, – начал он.

*Некоторые птицы никогда не садятся.
Им приходится делать все дела
В небесах.*

Группка девушек на заднем ряду заулюлюкала и закричала ему:

– Ты так хорош, Джеймс!

Он помахал им, словно он вызвал такую реакцию тем, что угостил их газировкой или помог выйти из машины, и ушел со сцены.

После одного выступления-декламации и трех поэтов мистер Дэвидсон снова поднялся на сцену.

– Отличная работа, ребята. Кто следующий? *Лилит*.

Несколько воплей раздалось в столовой, и мистер Дэвидсон попробовал заставить их замолчать. Лилит поднялась на сцену. Из-за прожектора ее волосы казались ярче, лицо – бледнее. Она держала под мышкой черный дневник, готовая прочитать стихотворение. Прочистила горло. Микрофон взвыл эхом.

Несколько учеников прикрыли уши. Один прокричал.

– Слезай со сцены! Неудачница!

– Эй, там! – крикнул мистер Дэвидсон. – Это грубо.

– Эм... – Лилит постаралась поправить микрофон, но послышался лишь визг техники.

Кэм к тому моменту уже встал со своего места и кинулся к сцене.

Лилит сердито глянула на него, когда он подошел.

– Что ты делаешь? – прошептала она.

– Вот это, – сказал он. Ловким движением кисти он поправил микрофон, так что тот оказался на идеальном расстоянии от губ Лилит. Теперь ей не придется сутулиться. Она сможет говорить своим низким естественным голосом, и ее будет четко слышно во всей столовой.

– Сойди со сцены. – Она прикрыла микрофон рукой. – Ты смущаешь меня.

Она повернулась к аудитории:

– Эм, я Лилит, и я...

– И ты отстой! – крикнула девушка из задних рядов столовой.

Лилит вздохнула и пролистала свой блокнот. Кэму было ясно, как сильно другие ученики ненавидят Лилит и как ужасно она себя чувствует из-за этого. Ему не хотелось быть одним из тех, кто делал ее несчастной прямо сейчас.

Он пошел со сцены, когда выражение ее глаз заставило его остановиться.

– Что такое? – спросил он.

– Я не могу это сделать, – проговорила она одними губами.

Кэм снова приблизился, остановившись, прежде чем инстинкт возьмет свое и он обнимет Лилит.

– Ты можешь.

– Я согласна на ноль. – Она отошла от микрофона, сжимая дневник. – Я не могу читать перед всеми этими людьми, ненавидящими меня.

– Тогда не надо, – сказал Кэм. Возле стула Лилит в аудитории он заметил гитарный чехол.

К счастью, сегодня она не оставила гитару у ручья.

– Что? – спросила она.

– Лилит, – позвал мистер Дэвидсон из задних рядов столовой. – Какие-то проблемы?

– Да, – ответила Лилит.

– Нет, – сказал Кэм одновременно с ней.

Он спрыгнул со сцены, открыл серебряные застежки гитарного чехла и достал красивый треснувший инструмент. Услышал хихиканье в толпе и увидел вспышку, когда кто-то сфотографировал Лилит, застывшую на сцене в страхе.

Кэм проигнорировал их всех. Он передал гитару в руки Лилит и набросил ремень на ее плечо, позаботившись о том, чтобы не прижать ее рыжие волосы. Он забрал дневник из ее рук, почувствовав тепло в том месте, где они прикасались к обложке.

– Это катастрофа, – сказала она.

– Большинство великих вещей начинаются вот так, – ответил он так, чтобы только она могла услышать. – А теперь закрой глаза. Представь, что ты одна. Представь, что сейчас закат и у тебя вся ночь впереди.

– Уступите место! – проорал кто-то. – Вы оба отстойные!

– Это не работает, – сказала Лилит, но Кэм заметил, как ее пальцы естественно легли на струны. Гитара была словно щитом между ней и аудиторией. Ей было уже комфортнее, чем мгновение назад.

Поэтому Кэм продолжил:

– Представь, что только что придумала эту новую песню и гордишься ею...

Лилит попыталась прервать его.

– Но...

– Позволь себе гордиться, – сказал ей Кэм. – Не потому, что ты считаешь ее лучше любой другой песни, но потому, что она ближе всего к выражению твоих нынешних чувств, того, чем ты занимаешься.

Лилит закрыла глаза. Она наклонилась к микрофону. Кэм задержал дыхание.

– Бу, – заулюлюкал кто-то.

Глаза Лилит распахнулись. Она побледнела.

Кэм заметил Люка посреди аудитории, прижавшего руки рупором ко рту и освистывающего Лилит. Кэм никогда не бил дьявола, но сегодня вечером он не побоялся бы исправить это. Кэм холодно уставился на аудиторию, поднял оба кулака, а потом сделал неприличный жест.

– Хватит, Кэм, – сказал мистер Дэвидсон. – Пожалуйста, уйди со сцены.

Тихий смех заставил Кэма посмотреть на Лилит. Она глядела на него, посмеиваясь, и призраком улыбки царил на ее лице.

– Показываешь им, кто здесь босс? – спросила она.

Он покачал головой.

– Сыграй на гитаре и покажи им себя.

Лилит не ответила, но Кэм мог понять по ее изменившемуся лицу, что он сказал нечто правильное. Она снова наклонилась к микрофону. Ее голос был нежным и чистым.

– Эта песня называется «Изгой», – сказала она и начала петь.

Куда любовь гонит меня, должна я повернуть
Свои рифмы, свои рифмы
Что следуют за моим больным разумом,
Моим разумом, моим разумом.
Что должно стать последним, что первым?
Должна ли я утонуть от этой жажды?

Песня лилась так, словно Лилит родилась, чтобы исполнить ее. У микрофона, с закрытыми глазами, Лилит не выглядела обьятой страхом. Здесь был намек на девушку, которой она когда-то была и в которую влюбился Кэм.

Которую он все еще любил.

Когда она закончила, Кэм дрожал от эмоций. Ее песня была вариантом той, что он напевал, покинув Трою. Она все еще ее помнила. Какой-то остаток их любовной истории все еще жил в ней. Как он и надеялся.

Пальцы Лилит замерли над струнами гитары. Аудитория затихла. Лилит ждала аплодисментов, в ее глазах застыла надежда.

Но она получила в ответ лишь смех.

– Твоя песня еще отстойнее тебя! – заорал кто-то, кидая пустую банку от газировки на сцену. Она ударилась в колени Лилит, и надежда в ее глазах умерла.

– А ну прекратить! – сказал мистер Дэвидсон, возвращаясь на сцену. Он повернулся к Лилит. – Хорошая работа.

Но Лилит уже бежала со сцены и из столовой. Кэм побежал за ней, но она была слишком быстрой, а снаружи было слишком темно, чтобы он мог увидеть, куда она побежала. Она лучше него знала это место.

Дверь закрылась позади его, заглушая далекий голос другого ученика, читающего стихотворение. Кэм вздохнул и оперся о покрытую штукатуркой стену. Он подумал о Дэниеле, пережившем столько ужасных моментов, когда тоска по Люс поглощала его, заставляла его желать умереть и сбежать от их проклятия, но в награду он получал лишь одно прикосновение ее пальцев в каждой новой жизни, прежде чем она снова исчезала.

– Стоит ли это того? – часто спрашивал Кэм своего друга.

Теперь Кэм понимал неизменный ответ Дэниела. «Конечно, стоит, – говорил тот, – лишь это делает мое существование стоящим».

– Ошибка дебютанта.

Кэм повернул голову и увидел, как Люк вышел из теней.

– Что? – пробормотал Кэм.

– Так дерзко себя вести в первый же день, – огрызнулся Люцифер, – у нас две недели, и у тебя есть столько способов проиграть.

Кэм совсем не чувствовал себя дерзким. Если дьявол получит свое, не только Кэм проиграет.

– Начинай свою игру в любое время, – сказал он Люциферу сквозь сжатые зубы. – Я готов.

– Мы посмотрим, насколько ты готов, – фыркнул Люцифер перед тем, как исчезнуть, оставляя Кэма одного.

Интерлюдия. Искры

*Племя Дан, Северный Ханаан
Примерно 1000 г. до н. э.*

В лунном свете светловолосый юноша нырнул в реку Иордан. Его звал Дани, и, хотя он был в деревне всего месяц, его красота уже стала легендарной в землях отсюда до южной Беершебы.

С берега реки темноволосая девушка наблюдала за ним, перебирая пальцами ожерелье. Завтра ей исполнится семнадцать.

И, находясь вне поля зрения, Кэм наблюдал за ней. Она казалась еще красивее теперь, когда влюбилась в ночного пловца. Конечно, Кэм знал, какой будет судьба девушки, но ничто не могло помешать ей любить Дани. Ее любовь, подумал Кэм, была чистой.

– Он словно религия, – произнес тихий голос позади него. Он повернулся и увидел поразительную рыжую девушку. – Она верна ему.

Кэм ступил вперед к девушке на берегу. Он никогда не видел смертной, подобной ей. Ее рыжие волосы длиной до пояса сияли, как гранат. Она была высокой, как он, и выглядела грациозной, даже стоя на месте. Веснушки покрывали ее хрупкие плечи и гладкие щеки.

Он удивился дружескому выражению в ее голубых глазах, словно они уже были соучастниками какой-то чудесной шалости. Когда она улыбнулась, маленькая щель между ее передними зубами взволновала его так, как он и представить не мог.

– Ты знаешь их? – спросил Кэм. Это чудесная девушка говорила с ним, потому что поймала его, наблюдающего за Дэниелом и Люсиндой.

Ее смех был чистым, как дождевая вода.

– Я выросла с Лиат. И все знают Дани, хотя он и пришел в наше племя в конце прошлой луны. Есть в нем нечто незабываемое, ты так не думаешь?

– Возможно, – сказал Кэм. – Если тебе нравится такой тип.

Девушка внимательно посмотрела на Кэма.

– Ты прибыл сюда на гигантской звезде, упавшей с небес прошлой ночью? – спросила она. – Мы с сестрами сидели у костра и подумали, что у звезды была чудесная форма человека.

Кэм знал, что она дразнит его, флиртует, но он был впечатлен, что она угадала правильно. Его крылья принесли его прошлой ночью, он гнался за хвостом падающей звезды.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Мои друзья зовут меня Лилит.

– Как зовут тебя твои враги?

– Лилит, – прорычала она, обнажая зубы. Потом засмеялась.

Когда Кэм тоже засмеялся, Лиат резко развернулась в нескольких футах ниже.

– Кто здесь? – окликнула она тьму с берега.

– Давай уйдем отсюда, – тихо сказала Кэму Лилит и протянула руку.

Эта девушка была поразительной. Энергичной, полной жизни. Он взял ее за руку и позволил вести себя, немного волнуясь, что мог бы вечность делать это – следовать за ней, куда бы она ни пошла.

Лилит привела его к берегу, заросшему ирисами дальше по течению извивающейся реки, а потом потянулась внутрь пустого ствола огромного рожкового дерева и вытащила лиру. Сидя среди цветов, она настроила инструмент на слух так ловко, что Кэм понял: она делала это каждый день.

– Ты сыграешь для меня? – спросил Кэм.

Она кивнула.

– Если станешь слушать.

Затем она начала играть с нескольких нот, которые переплетались, словно возлюбленные, изгибались, словно повороты реки. Чудесным образом ее великолепная гудящая мелодия приняла форму слов.

Лилит пела грустную любовную песню, из-за которой все исчезло из его разума.

Когда ее песня обернулась вокруг него, Кэму стали безразличны Люцифер, Трон, Дэниел и Люсинда. Здесь была только все еще звучащая песня Лилит, захватывающая дух.

Она сочинила ее здесь, среди ирисов у реки? Что пришло к ней раньше, мелодия или слова? Кто вдохновил ее?

– Тебе разбили сердце? – спросил он, надеясь скрыть ревность. Взял лиру из ее рук, но его пальцы были неуклюжими. Он не мог исполнить ничего даже отдаленно столь прекрасного, как музыка, льющаяся из-под пальцев Лилит.

Она наклонилась ближе к Кэму, и ее веки опустились, когда она посмотрела на его губы.

– Еще нет. – Она потянулась к своему инструменту и взяла звенящий аккорд. – И никто еще не ломал мою лиру, но девушка не может быть слишком осторожной.

– Научишь меня играть? – спросил он.

Он хотел провести больше времени с Лилит – странное для него чувство. Он хотел сидеть рядом и смотреть, как солнечный свет сверкает в ее волосах, хотел запомнить грациозный танец ее пальцев, когда она вытягивала красоту из струн и дерева. Он хотел, чтобы она смотрела на него, как Лиат смотрела на Дани. И он хотел целовать эти губы каждый день, все время.

– Что-то подсказывает мне, что ты уже умеешь играть, – сказала она. – Встретимся здесь завтра ночью, – она взглянула на небо, – когда луна будет на том же месте, *ты* тоже сиди на том же месте.

Потом она засмеялась, убрала лиру в дерево и убежала, оставив темноволосого зеленоглазого ангела безумно влюбленным в первый раз в жизни.

Глава 5. Меченая

Лилит

Тринадцать дней

Лилит не ожидала, что ее мир изменится после выступления перед микрофоном. И он не изменился. Не особо.

Жизнь все еще была отстоем.

– Лилит? – закричала мать еще до того, как прозвенел будильник. – Где мой оранжевый кардиган с гепардовыми вставками на локтях?

Лилит застонала и зарылась лицом под подушку.

– Вчера заходила полиция моды, чтобы забрать его, – пробормотала она себе под нос. – Он был угрозой обществу.

Три легких стука в открытую дверь заставили Лилит поднять голову. Так стучал ее брат.

– Привет, Брюс, – сказала она мальчику с взлохмаченными после сна волосами, жуящему замерзшую вафлю.

– Мама считает, что ты украла ее прекрасный дешевый желтый свитер. Она типа превращается в Невероятного Халка из-за этого.

– Она действительно считает, что я позволю увидеть себя в золотисто-оранжевом? – спросила Лилит, и Брюс засмеялся. – Как самочувствие, парень?

Брюс пожал плечами.

– Нормально.

Люди часто называли младшего брата Лилит хрупким, потому что он был таким худым и бледным. Но Брюс был крепчайшей опорой в жизни Лилит. Он надеялся, несмотря ни на что. Было весело просто сидеть рядом с ним на диване. Он знал, как заставить ее смеяться. Она бы хотела, чтобы у него была жизнь получше.

– Просто нормально? – спросила Лилит, садясь на кровати.

Брюс пожал плечами.

– Не великолепно. Мой уровень кислорода сегодня был низким, поэтому мне снова придется остаться дома. – Он вздохнул. – Тебе везет.

Жестокий смешок сорвался с губ Лилит.

– Везет?

– Ты ходишь в школу каждый день и тусишь со своими друзьями.

Брюс говорил так искренне, что Лилит не могла представить, как объяснить, насколько вся школа ненавидит ее.

– У меня один друг – Аластор, – добавил Брюс, и при звуке своего имени маленькая собачка вбежала в комнату Лилит. – А он только какает на ковер.

– Ох, нет уж! – Лилит подхватила пса до того, как тот замарал бы гору белья, которую она еще не разобрала. Там была ее единственная чистая пара джинсов. По пути в ванную она коснулась плеча брата.

– Может, завтра твое содержание кислорода будет лучше. Всегда есть надежда.

Зайдя в душ – вода вернулась, но, с тех пор как трубы отключили, она пахла ржавчиной, – Лилит думала о том, что сказала Брюсу. С каких пор она верила, что всегда есть надежда, что завтра будет лучше?

Должно быть, она сказала это, потому что пыталась подбодрить его. Брат умел заставить ее показать свою нежную сторону, о которой никто не знал. У Брюса было такое доброе сердце, и он так редко выходил из дома, что только Лилит и ее мать ощущали его тепло. С ним Лилит практически невозможно было жалеть себя.

Пока Лилит одевалась, она закрыла дверь и стала напевать песню, которую исполняла прошлым вечером. Из-за этого она случайно подумала о тоске в глазах Кэма, когда тот передавал ей гитару. Словно Лилит что-то значила для него. Словно он нуждался в ней – или хотел чего-то от нее.

Лилит скривилась. Чего бы Кэм от нее ни хотел, она не собиралась сдаваться.

* * *

– Прочь с моего пути, позерка. – Какой-то футболист с квадратной головой отпихнул Лилит, и она врезалась в ряд металлических побитых шкафчиков. Никто даже не моргнул.

– Ай! – Лилит потеряла руку.

Флуоресцентная лампа над ней мигала и жужжала. Лилит встала на колени на зеленой, цвета соплей плитке, чтобы набрать комбинацию и взять книги на день. В нескольких шкафчиках от нее Хлоя Кинг хвасталась своему новому парню, а также всем друзьям вокруг новой татуировкой ангельского крыла на правом плече.

Заметив Лилит, Хлоя одарила ее подозрительно широкой улыбкой.

– Отличное выступление вчера вечером, Лил! – пропела она.

Не может быть, чтобы Хлоя действительно пыталась быть милой. Лилит знала, что ей стоило уйти со сцены, пока не стало плохо.

– Хм, спасибо, – сказала она, спеша открыть свой шкафчик.

– О боже, ты подумала, что я серьезно? Это была шутка. Как и твое выступление. – Хлоя рассмеялась, и к ней присоединилась вся ее клика.

– И... еще один ужасный день, – пробормотала Лилит, поворачиваясь обратно к своему шкафчику.

– Так не обязательно должно быть.

Лилит подняла глаза.

Люк, интерн, которого она встретила за день до этого, стоял прямо над ней. Он облокотился о шкафчики, подкидывая странную золотую монетку в воздух.

– Я слышал, что ты всегда опаздываешь в школу, – сказал он.

Хронические опоздания Лилит не казались ей увлекательной темой для разговоров. Кроме Таркентона, нескольких учителей, Жана, а теперь и Кэма, никто в Трамбулле даже не замечал Лилит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.